

Дмитрий ТРАНКВИЛИЦКИЙ

ДНЕВНИК АРЕСТАНТА

Главы из ненаписанного романа-исповеди «Лох»¹

Глава 1. ПРИГОВОР

На приговор я ехал с сестрой. Солнце, ещё молодое, утреннее, простреливало сквозь яркую зелень берёз, стоящих вдоль дороги. Ехали молча, всё уже было сотню раз проговорено, и я слушал Relax-FM, наслаждаясь попутно тем, как сестра филигранно ведёт машину. Женщины редко хорошо водят, и объяснений этому у меня масса, но сестре, как и мне, видимо, передались отцовские гены — наш отец был мастером спорта по авторалли и вообще любил рисковать. Он говорил, когда выпьет, что жизнь нужно вспенивать, как шампанское, иначе неинтересно.

На всякий случай, по совету людей бывалых, я приготовил чёрную капроновую непромокаемую сумку, проклеенную изнутри полиэтиленом. В сумке — синтепоновая стёганная безрукавка чёрного цвета, десять пар чёрных хлопковых носков, три пары чёрных семейных трусов, три чёрные хлопчатобумажные майки, короткий чёрный свитер без ворота, чёрная футболка («всё, что не чёрное, выбросят», сказали мне опытные люди), пять одноразовых бритвенных станков, зубная щётка, мыло в пластмассовой мыльнице, тёплые ботинки типа кроссовок на резинке вместо шнурков, пластмассовые тапочки-сланцы, четыре пачки сигарет «Ява», Молитвослов, Евангелие, маленькая иконка Святой великомученицы Анастасии Узорешительницы и дорожный складень размером с два спичечных коробка с репродукциями Богородицы и Спасителя от Андрея Рублёва (в падающем самолёте и тюрьме нет атеистов).

Суд, длившийся более года, дошёл, наконец, до своей решающей стадии — приговора. Больше года я ездил на заседания из другого города в Москву два-три раза в месяц, останавливаясь или у сестры с мамой за городом, или у родственников моей жены.

Приехали к зданию суда в центре Москвы. Поднялись к залу заседаний. Перед закрытыми дверями ожидали начала мои подельники и их ближайшие родственники. Я рассчитывал увидеть кого-нибудь из пострадавших по нашему делу, но никого из них не было. Не было и наших адвокатов. Присутствие адвоката на оглашении приговора не обязательно.

На последнем заседании адвокаты предупредили нас, что процент оправдательных приговоров в практике современного российского правосудия близок к нулю, поэтому следует ожидать наказания, но наказания условного, так как дело кривое и дырявое, и судья не решится отправить нас за решетку, зная, что последует апелляция и дело либо отошлют на доследование, либо оно вообще развалится.

К условному сроку я был морально готов и пребывал в уверенности, что присутствующие в зале суда отбывают пустую формальность. Во время оглашения я часто выходил покурить со своими товарищами, один из которых год назад освободился, отсидев три с половиной года по той же самой 159-й (мошенничество). Сегодня в

¹ Эти главы написаны в камере СИЗО (см. рисунок 3).

России это самая популярная статья, популярнее даже 228-й (приобретение, изготовление и сбыт наркотиков). Половина московских СИЗО, коих в столице семь (шесть мужских, один женский) забита по этой статье. Она хорошо применима к коммерсантам, чей бизнес решено отжать.

Последовав моему примеру, многие стали выходить на свежий воздух, оставляя зал полупустым. Судья не реагировала на «разброд и шатание» публики, монотонно читая приговор. Секретарь суда сказала нам перед заседанием, что приговор занимает около 400 страниц машинописного текста. Судью было искренне жаль. Читала она скороговоркой, очень тихо, не поднимая глаз и не заботясь о том, слушает её кто-то или нет. Если прикрыть глаза и поддаться дрёме, могло показаться, что ты находишься на службе в храме.

Вся эта обстановка: судья, бормочущая себе под нос какие-то юридические заклинания, жаркий день за окном, прибранном решёткой, скучающие и зевающие лица вокруг, чуть слышно шаркающее перемещение людей по залу, разговоры на крыльце суда ни о чём, сонные конвойные на входе в заведение, почти полная моя уверенность в том, что сегодня вечером я, купив через интернет билет, сяду в поезд и уеду домой, — всё это создавало настроение отрешённости и ощущение какой-то расщеплённой надвое реальности: с одной стороны — ты и твоя нелепая жизнь, а с другой — какие-то люди, занятые чем-то не очень важным для них, но необходимым.

Происходившее со мной в этот день было похоже на то, как если бы кто-то дал мне билет на нудный и неинтересный спектакль с бездарными актёрами, а ты, придя в театр, не можешь уйти и должен досидеть до конца.

Резюмирующая часть приговора началась около шести часов вечера. Эту часть следовало слушать стоя. Судья встала, взяв в полусогнутые руки очередной лист. Все тоже встали. Голос судьи не изменился, и всем пришлось вслушиваться, додумывая то, что было не разобрать.

«Семь лет с отбыванием наказания в колонии общего режима», — еле расслышал я приговору одному из своих поделщиков и напрягся...

«С учётом смягчающих обстоятельств... несовершеннолетнего ребёнка... положительные характеристики... суд определяет наказание в виде шести лет с отбыванием наказания в колонии общего режима для...»

Мне не стало плохо. Ничего не изменилось. Ни тёплый вечер за зарешённым окном, ни монотонный голос судьи, ни степень происходящего абсурда — ни-че-го. Удивительно. Ведь это мне сейчас зачитали приговор: шесть лет.

Предсказания адвокатов сбылись с точностью до наоборот, но странным мне казалось не это, а то, что у меня не возникло мыслей ни о детях, ни о любимой женщине, которую я попросил не приезжать на приговор, ни о друзьях, стоящих в зале и находящихся вне его, ни о сестре с мамой, которая была вообще не в курсе событий, — пустота. Только пустота. Она не была сосущей, тяжёлой, густой, она была какой-то глухой и ватной, словно меня закутали в большое одеяло.

«Ни хрена себе!» — подумал я. Этот мысленный возглас, как заставка на мониторе, плавал у меня в голове. Усилием воли я выключил эту инсталляцию в мозгу. Возникла другая: «Никого не жалко — ни-ко-го, ни тебя, ни меня, ни его».

— Палучили?! — вдруг закричала Светка, моя поделница, работавшая некоторое время у нас бухгалтером.

Я оглянулся на Свету: глаза её были широко открыты, лицо стало багровым. Рядом с ней стояла её взрослая дочь и плакала. Так плакать могут только женщины и некоторые дети — лицо не искажается, слёзы просто текут ручьём по щекам.

Светке только что озвучили то ли пять лет, то ли четыре, я не расслышал.

— Твари! — продолжала орать Светлана. — Чтоб вам всё это говно сторицей вернулось! Чего вы добились, уроды?! Вам теперь ваших денег ваще не увидеть!

Получалось, что в зале всё-таки кто-то из пострадавших был, и Светка кричала им. Я пытался понять, кто там пострадавший, и нашёл взглядом испуганные глаза съевшейся, как изюм, старушки, которая в оцепенении и ужасе стояла среди других людей. Вид у потерпевшей был жалкий, а обращённые на неё взгляды были суровы.

— За решётку! — вдруг прямо в лицо крикнул мне взявшийся из ниоткуда, как

чёрт из табакерки, конвойный с резиновой дубинкой в одной руке и наручниками в другой.

Он нежно подтолкнул меня в плечо, и я, раздвигая собой окружающих, направился в клетку, куда стали заталкиваться и мои подельники, чьи лица, не считая Светланы, были как у беременных женщин — глазами внутрь. Все были буквально оглушены неожиданным приговором. Никто не ожидал, что приговор будет «по потолку».

Среди суеты, царящей в зале, я увидел сестру, она держала в руках мою сумку и плакала. Точно так же, как и дочь Светы, — одними глазами.

- Не плачь, — сказал я ей. — Улыбнись.
- Сумка, — сказала сестра сквозь слёзы.
- Сумку как взять? — спросил я молодого конвойного.
- Родственники привезут. Нельзя сумку.
- Сигареты, спички и таблетки можно?
- В пакет.

Сестра принялась переключать это в пакет из сумки. Клетка с грохотом и лязгом захлопнулась.

Глава 2. СТАКАН

Судебная «сборка» встретила нас приветливо.

— Три-ноль, — сказал конвойный, опирая изнутри решётку помещения временного содержания спецконтингента в здании суда. Это помещение называется «сборкой». В «сборку» нас переместили из клетки, той, что в зале суда.

— Да ладно! — в голос изумились все, кроме женщин нашего каравана, ожидающего входа на лестнице, ведущей в цоколь суда.

- Крест на пузе! — ответил открыватель решётки. — Век воли не видать!
- Весело тут у вас, — заметил наш «главарь» Лёха.

Из какого-то закоулка появились трое мужчин в тёмно-синей форме и одна женщина. С их лиц ещё не сошли следы радости за успех нашей футбольной команды. Шла трансляция матча Россия — Арабские Эмираты. Конвойный, к которому я был пристёгнут наручниками, достал ключ и отстегнул меня.

— Встал к стене! — раздалось откуда-то справа. — Руки на стену!

По моим ногам и туловищу прошлись чьи-то руки.

- Носки снял!.. Вывернул!.. Одевай!
- Надевай, — поправил я машинально.
- Жену свою учить будешь. Карманы!
- Всё из карманов! — подключился кто-то слева.

Я достал паспорт и коробок спичек.

— Блин! У него паспорт не забрали! — удивился ощупывавший меня полицейский. — Давай сюда! Сколько дали?

— Шесть.

— В двадцать четвёртом году заберёшь, — сказал он, изымая паспорт, — если не добавят. Стоящие рядом конвоиры осклабились. — Что в пакете?!

- Сигареты, таблетки.
- Оружие, наркотики есть?
- А почём предлагаете?
- Шутник, блин... Шутников мы любим, — конвойный вскрыл все пачки и внимательно их осмотрел со всех сторон. — Приемлемо, — сказал он цитатой из «Комедии строгого режима» и, вытащив четыре сигареты из одной пачки, передал мне. — Пакет будет здесь, на столе. Повезут в СИЗО — заберёшь.

Нас троих: Лёху-«главаря», меня и строителя — закрыли в первый от туалета «стакан», Светку-бухгалтера и Юльку-юриста — в крайний «стакан» слева. «Стакан» представлял собой небольшой бетонный мешок три на три метра. К двум стенам намертво приделаны узкие лавки шириной сантиметров двадцать, сваренные из металлического уголка, в середине — крашенное бурой масляной краской дере-

во.

Сидеть на такой лавке можно, только уперев локти в колени, так как долго опираться спиной на стену за собой невозможно: стена покрыта особым видом тюремной штукатурки — «шубой». «Шуба» похожа на воск, стёкший с обгоревшей свечи, а этот «воск» застыл в твёрдые каменные капли и «сопли» наплывами. Когда прислоняешься спиной к такой стене, то эти выпуклости сначала даже приятны, но через некоторое время начинают раздражать, потом заставляют тебя менять точки соприкосновения спины со стеной, а минут через десять-пятнадцать человек наклоняется вперёд, чтобы к «шубе» спина не прикасалась. Так как лавка узкая, а с прямой спиной долго не посидишь, то тело непроизвольно стремится вперёд, и арестант выставляет локти, упирая их в квадрцепсы ног.

— Шуба-дуба, — пропел поделщик-строитель, поглаживая рыжую краску на стене.

«Самарканд 2016», — прочитал я на ней первым делом. Затем — Держинск, Курск, Краснодар, Ростов, Воронеж, Житомир, Руза, Астрахань... Рядом с названиями городов проставлены цифры — номера статей: 228, 158, 159, 161, 162, 322, 291 — самое популярное на сегодня. Иногда приписана ещё одна цифра — срок наказания.

— Смотри, чувачело какой-то на двенадцать лет отъехал по 228-й часть 4, — сказал строитель.

— Нехило, — отозвался Лёха, ухитрившийся каким-то непостижимым образом уместить своё большое тело на лавочке.

Мы выложили на лавочку «общак» — все сигареты, выделенные нам на «борке»: десять штук. У меня были спички, и мы закурили с облегчением от того, что закончился судейский позор, и с печалью от мыслей о том, что каждого ожидало теперь впереди.

В «стакане» суда нас продержали часа три. Когда кончились сигареты, я, зная, как подзывать конвойных, стал с силой колотить в серую металлическую дверь руками и ногами. Минут через пятнадцать беспрепятственного стука дверь открылась.

— Чего надо?!

— Отлить, начальник. В ушах уже булькает.

— Вышел.

Комната с незапираемой дверью находилась рядом с дверью нашего «стакана». Выходя из камеры, я заметил, что мой пакет лежит на том же месте, где его оставил конвойный, меня шмонавший. Справив нужду, я помыл руки по локти, вымыл лицо и намочил голову — холодная вода освежила. Вытирая руки о джинсы, я подошёл к столу, на котором лежал мой пакет. За мной наблюдал конвойный, стоявший в углу помещения, где нас шмонали.

— Начальник, — обратился я к нему, — можно пару сигарет взять из моего пакета?

— Пару — можно.

Я открыл пачку и зацепил шесть штук.

— Пару, я сказал!

— Начальник, нас трое там. Курятина кончилась. Как раз по паре, — я разжал ладонь с сигаретами. Конвойный кивнул, чтобы я заходил в камеру, а у двери уже стоял строитель:

— Можно и мне в туалет?

Следом за строителем, который принёс ещё две сигареты, вышел в тубзик и Лёха. Через несколько минут у нас снова было десять сигарет.

Говорить было не о чем. Строитель травил какую-то пургу про какую-то свою стройку, мы с Алексеем как бы слушали, курили и кивали, когда этого требовал момент в повествовании, думая о том, как там родные.

Засов двери лязгнул неожиданно, и нас по лестнице из цокольного этажа подняли в огороженный кованым забором дворик суда. Было уже совсем темно. Дворик освещал одинокий фонарь. По центру двора стоял белый КамАЗ. Вместо кузова — глухая белая будка с надписью «Полиция». С одной стороны будки открыта дверь над металлическими ступеньками. Мы поднялись по ним, держа руки за спиной, а за нами ещё три человека.

Рисунок 1. Сборка (работа автора).

Внутри у входа сидел полицейский. Камазовский кунг разделён вдоль на две части металлической стенкой. Образованные этой стенкой узкие, вытянутые, как вагон, отсеки снабжены такими же, как и в «стакане», лавками, а между ними — проход. Мои колени упёрлись в лавку напротив, и мне пришлось развести их в стороны. Когда все шестеро расселись по лавкам, конвойный захлопнул решётку в нашем отсеке. Минут через пять завели наших женщин в соседний отсек. Мы услышали, как звонко лязгнула их решётка.

Отделённый от нас прутьями двери конвойный сидел с совершенно безучастным усталым лицом. С таким выражением на лице он вполне мог бы вписаться в интерьер вагона московского метрополитена или на лавочку столичного дворика в компании ожидающих из школы своих чад родителей. Прошло полчаса. Один из наших попутчиков закурил, конвойный никак не отреагировал на это, и все закурили следом. Наружная дверь была открыта, и сигаретный дым бело-голубым прозрачным языком потянуло на улицу.

Через час ожидания непонятно чего мы услышали звук подъезжающей машины, и вскорости к нам в отсек завели ещё восемь человек. После того как они расселись, КамАЗ заурчал мотором, дверь в кунг захлопнулась, и мы поехали на централ.

Глава 3. ПЕРЕВОЗКА

Среди вновь прибывших был бородатый молодой дагестанец, который, не в силах сдерживать эмоции, стал горячо рассказывать всем о том, что ему только что на апелляционном суде накинули к сроку четыре года.

— У меня тринадцать было! Я два с половиной до первой инстанции отсидел на СИЗО. Год — суд. Итого: три с половиной. Три месяца апелляшку на четвёртом центре ждал, а эта гнида мне к тринадцати ещё четыре прилепила сейчас! Это как?! — все сочувственно покивали, сопоставляя его срок со своим. — Я что, эти три и восемь впустую сидел, маму его?! — не унимался дагестанец.

— Какая беда у тебя? — спросил кто-то.

— 162-я.

Сто шестьдесят вторая — это разбой. Максималька по четвёртой части — от восьми до пятнадцати. Семнадцать — это чувак креативно подошёл к процессу. «Странно», — подумал я и невольно глянул на Лёху, сидевшего на лавке напротив. Наши ноги по типу «гребёнки» упирались: его — в мою лавку, мои — в его. Он молчал.

— Несколько эпизодов или крикнул кто-нибудь из пострадавших после первого суда. Ещё одну статью зацепил до кучи, — тихо сказал пацанчик слева от Лёхи, разгадав причину моего вопросительного взгляда.

— А нам не накинут? — спросил я Лёху. Он пожал плечами.

— Накинуть могут, если вскрылись дополнительные факты, которые не были известны суду первой инстанции, — пояснил пацанчик.

КамАЗ замедлил ход, попрыгал, раскачивая нас от стенки к стенке, и остановился.

— Приехали?

— Вряд ли, — снова ответил паренёк рядом с Лёхой. — Кого-нибудь ещё подгрузят.

Так и вышло. В наш отсек по одному поднялось так много человек, что, сдвинувшись друг к другу, мы еле уместили свои ноги в узком проходе между лавками. «Как кильки в банке». Один из не уместился на лавках и, пробравшись в конец отсека, прижался спиной к глухой задней стенке кунга.

Моё внимание привлёк долговязый парень с густой тёмной окладистой бородой, без усов. На макушке головы — маленькая вязанная белая шапочка. Он не выпускал из рук толстенную тёмно-коричневую книгу с золотым тиснением и золотыми буквами на обложке: «Коран». Парень был удивительно спокоен, я бы даже сказал, отрешён. Отрешённость эта читалась в осанке, больших задумчивых чёрных глазах и движениях. Зайдя последним, он пролез в конец отсека, остановился, замер на секунду, и ребята, уже плотно уместившиеся на лавке, молча подвинулись, освобождая ему место.

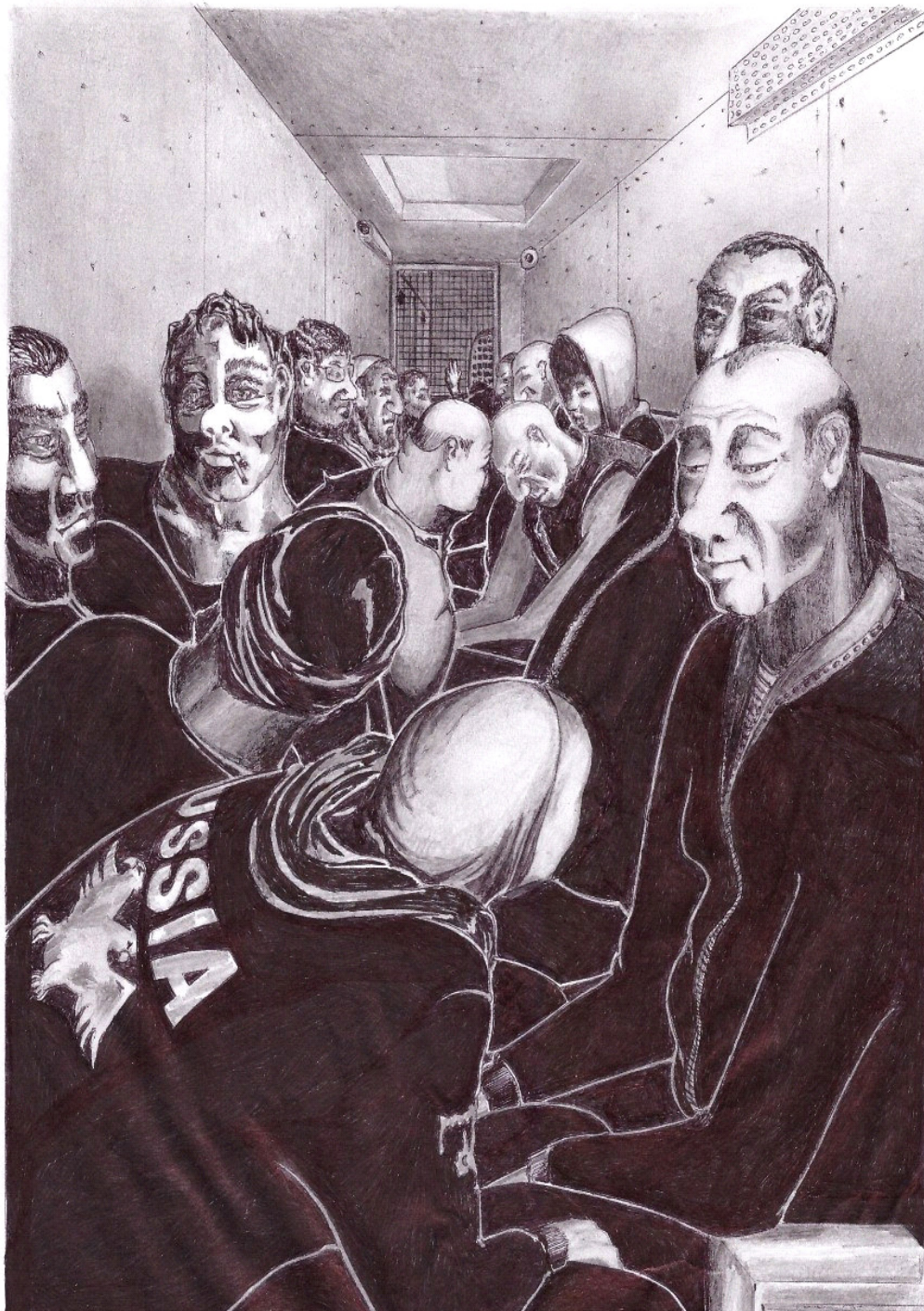

Рисунок 2. Перевозка (работа автора).

Дверь в кунг захлопнулась. Через пару минут дыхание людей, тесно прижатых друг к другу, нагрело воздух в отсеке, и я почувствовал, что начинаю сильно потеть и задыхаться.

— Начальник, вентиляцию включай! Дышать нечем!

Как только включили вентиляцию, почти все разом закурили. Горячий воздух наполнился густым дымом, который почти не вытягивался наружу через крошечное круглое приспособление в потолке кунга. Я видел, как мучался охранник, но старался сохранить безучастный вид, не решаясь делать замечания. Концентрация дыма была запредельной, усиливая неприятные ощущения от жары и духоты. Мне стало совсем тяжело дышать, и я испугался, представив, что потеряю сознание. Взглянул на Лёху — его лицо и футболка были мокрыми от пота. Приступ паники, нараставшей снежным комом, мешал мне сосредоточиться на чём-либо ещё, кроме своих ощущений. Я упёр локти в колени Лёхи и положил голову на свои ладони, стараясь перенести на них вес головы и туловища. Стало немного легче. Но вдруг гул, создаваемый невидимым вентилятором, прекратился. Жара в отсеке стала напоминать мне парную в городской бане, куда я последние шесть лет ходил по субботам. Эта мысль придала силы и успокоила. Закрыв глаза и сказал себе: «Я в бане. Можно было бы и поддать пару ковшиков».

Сидя с закрытыми глазами, я слушал, о чём разговаривают рядом. В основном шёл обмен информацией о судах, судьях и сроках. Странно, но я почти не слышал мата, который, казалось бы, в подобных ситуациях совершенно уместен. Зеки разговаривали друг с другом вполголоса, чтобы не мешать соседям, и вообще психологическая атмосфера в КамАЗе была на удивление приличной, отвечая всем возможным в такой обстановке канонам благопристойности и этикета. Помню, как меня это удивило.

Глядя на зеков, я не мог не отметить одну деталь: все они кажутся мне совершенно обычными людьми совершенно обычной внешности. Помести их в вагон электрички, их внешность ничем бы не выдала их среди других пассажиров, едущих с работы домой.

Арестанты в отсеке нашей «перевозки», доставлявшей их из судов в изоляторы Москвы, были в основном молодые — от двадцати до тридцати лет на вид. Рядом с Лёхой сидели, тесно прижавшись друг к другу, двое ребят, чья манера держаться говорила, что происходящее знакомо им до мелочей. Они со знанием дела комментировали то, что слышали от других, и совершенно не рефлексировали на дым, жару и тесноту. Один из них, гладко выбритый паренёк славянской внешности с ясными и задумчивыми голубыми глазами, долго, не моргая, смотрел на меня, что-то тихо говоря своему товарищу.

— Первоход? — спросил он меня спустя некоторое время.

— Первоход.

— Сто пятьдесят девять, четыре?

— Угу.

Парень помолчал немного, покивал, что-то сказал товарищу и, глядя на меня, продолжил:

— Что творят, уроды! Скоро полстраны пересажают по сто пятьдесят девятой. У них в УК больше статей, что ли, нет? Неспроста это, неспроста...

Товарищ его, кавказской наружности, худощавый, с большими и длинными узловатыми руками, спросил:

— Судили уже или возят ещё?

— Шесть общего.

— До фи́га для первохода. Большой ущерб, что ли?

— Да по сравнению с Сердюковым — копейки.

Ребята ослаблились.

— Вот поэтому и дали от души. Если б больше подрезал, дали бы меньше.

— А совсем много — в депутаты бы взяли!

— Апелляшку-то краткую написал?

— Написал. А когда там теперь чего?

— Смотри, — начал объяснять славянин, — сначала тебе пришлют приговор в

СИЗО. Ты его получишь и поставишь дату. Это важно — дату поставить. От этой даты у тебя десять дней, чтобы подать расширенную апелляшку. Её с адвокатом составите...

КамАЗ неожиданно остановился. Снова заурчал мотором и, проехав ещё немного, встал. Дверь в кунг открылась, конвойный, ехавший с нами, открыл решётку в отсек и скомандовал:

— По одному! Руки за спину!

Глава 4. ПРИЁМКА

Двор СИЗО глубокой ночью визуально был похож на двор обычного жилого микрорайона. Пара тусклых фонарей освещала асфальтированную площадку перед входом в подъезд кирпичного здания. По краю площадки росли несколько могучих елей. Здание, куда нам предстояло войти через приоткрытую бронированную дверь, было высоким, и, задрав голову, я не увидел ничего, кроме звёздного неба.

— Проходим, — с почти вежливой интонацией сказал нам конвойный с якутско-бурятским лицом, встречавший нас во дворе.

Мне и моим поделникам другой конвойный велел следовать за ним по длинному коридору. По бокам — тёмно-серые бронированные двери и череда проёмов, забранных решётками, сваренными из толстых, крашенных грязно-белой краской арматурных прутьев. На стенах между дверями висели стенды с приклеенными страницами текстов. «Статья такая-то, статья такая-то», — прочитал я на ходу. Наш конвоир тоже был бурятской наружности. Я спросил Лёху:

— Мы в Москве вообще? Может, нас в Улан-Уде привезли?

— Может, калмыки? — вопросом на вопрос ответил Лёха.

— Это хорошо или плохо?

— Не знаю. Пока вроде нормально.

Калмыко-бурят довёл нас до открытой настежь двери. За ней — помещение, разделённое решёткой с окошком, находящимся на уровне живота. Под окошком с нашей стороны решётки — металлический табурет, намертво прикрученный к полу, а с другой стороны можно было разглядеть стол, придвинутый к решётке, на нем лежали какие-то бумаги. В помещении — никого. Остановившись у решётки, полицейский оглядел нас и улыбнулся. Улыбка, предваряющая общение, — это всегда приглашение. «Расслабься, всё нормально», — означает улыбка.

— Один-пять-девять? — спросил меня полицейский.

— Угу, — ответил я, склеивая улыбку в ответ.

— Сразу видно.

— Да?!

— Конечно.

Я потом и сам безошибочно научился определять статью по внешнему виду арестанта. Под сто пятьдесят девятую подходят почти все мои друзья из аккаунта Фейсбука, за редким исключением. Их больше тысячи там — сто пятьдесят девятых — любой (-ая) гармонично впишется в интерьер изолятора. И это не потому, что у меня какой-то особенный аккаунт, объединяющий потенциальных преступников. Включи телевизор — они и там, просто до них ещё не дошли руки, вот они и там, в телевизоре пока. Вы зря улыбаетесь. Всё происходит очень быстро. Сегодня ты сидишь в «Тануки» и ешь чуку с ореховым соусом, а завтра тебе через «кормушку» суют ароматный ковшик с тремястами граммами подливки из пяти кубиков мороженой говядины на шестерых человек.

Пользуясь благосклонностью человека-охранника, мы стали ходить по закрытому с обеих сторон решётками коридору, разглядывая щиты с информацией. Как обычно, ничего нужного или познавательного на щитах не было. Минут через двадцать в помещение с внутренней решёткой кто-то пришёл, и первым позвали строителя. В открытую дверь было видно, как он сел на табурет и начал закатывать правый рукав. Молодая врачиха с той стороны решётки взяла в руки шприц.

— Кровь будут брать, — сказал я.

После сдачи крови и медосмотра бурятский полицейский повёл нас по другому

коридору, где нас поджидали трое конвойных в камуфляжной серой форме и берцах. Я подумал было, что сейчас нас будут бить.

— Сюда иди, — сказал мне один из них.

Я вошёл за ним в помещение, оборудованное небольшим монитором и столиком, торчащим из решётки, разделяющей это помещение. Работник СИЗО кивнул в сторону прикрепленной к стене линейки с жирными рисками и крупными цифрами и попросил меня снять ботинки и встать на платформу под линейкой. Достал мыльницу и снял меня в профиль и анфас. Затем последовало снятие отпечатков, после чего фсиновец указал мне на открытый проём: «Туда идём!» — и занялся строителем, а мной занялись другие двое фсиновцев.

За письменным столом на стуле сидел арестант и что-то старательно записывал в большой тетради. На нём была чёрная стираная роба с грязновато-белой биркой над левым нагрудным карманом куртки. Кроме стола, помещение было почти полностью заполнено металлоискателем, по типу тех, что установлены в аэропортах.

— До трусов раздеваемся! — сказал один из фсиновцев, протягивая мне пластиковый серый ящик для одежды, как перед «флюороографией» на самолёт. — Быстрее, быстрее! Ночь на дворе!

«Наверное, наш приезд их разбудил», — подумал я, вынимая ногу из штанины.

— Проходим через арку.

Я прошёл через металлоискатель, недоумеваю, зачем меня попросили раздеться.

— А зачем раздеваться-то надо было? — спросил я и услышал усталый ответ:

— Порядок такой. Одеваемся, проходим к столу.

Надев джинсы и вытащив ремень, который забрал фсиновец, я, продолжая застегивать рубашку, шагнул к столу, за которым сидел писарь в чёрной робе.

— Вот в этих квадратиках распишись, — сказал он, и я стал старательно вписывать в первый квадратик свою длинную подпись. — Ты это... не старайся, можешь хоть крестики ставить. Это все подписывают. За матрас, наволочку, простыни, одеяло... Можно не читать.

Когда с оформлением и досмотром было покончено, один из конвойных вывел нас в коридор и, громко звякая длинным ключом, открыл тяжёлую, много раз окрашенную серой краской дверь. Глядя на нас с Лёхой, сказал:

— Вы двое — сюда.

Глава 5. СБОРКА-2

Не знаю, как это объяснить, но я точно знал, что находится в этом помещении, которое называется «сборка», а точнее: «сборка» СИЗО. Я не мог знать, что там, за дверью. Но я знал. Я знал, что слева от входа — огороженный невысоким барьером унитаз. Знал, что у унитаза вместо бачка для воды — просто труба с шаровым крапом. Знал, что вдоль двух стен приделаны узкие скамьи, на которых, как и в «стакане» суда, неудобно сидеть. Знал, где окно с решёткой. Знал даже, какого цвета там стены. От этого странного ощущения, что мне всё это откуда-то известно, я на минуту замешкался перед входом, и идущий следом за мной Лёха подтолкнул меня вперёд своим животом.

— Представляешь, я знал, что находится в этой комнате, — сказал я ему, как только дверь «сборки» с отвратительным лязгом захлопнулась за нами и я присел на край лавки.

— Дежавю?

— Типа. Но дежавю же случается относительно прошлого, а я всё знал до того, как всё увидел. Как ты думаешь, что за той перегородкой?

— Толчок, наверное.

— Да, там должен быть унитаз, но... у него нет бачка. Вот зайди и скажи мне — унитаз с бачком?

Лёха открыл невысокую, размером по пояс дверку в ограждении и уставился на унитаз... без бачка.

— Интересно, — сказал я, — как там бабы? Доехали до Печатников или нет?

В КамАЗе кто-то говорил, что женский изолятор находится в конце Шоссейной

улицы. Я помнил это СИЗО с цилиндрическими башнями из тёмно-оранжевого кирпича по углам периметра массивного бетонного здания с узкими щелями «окон-бойниц». Будучи студентом, я подрабатывал сторожем поблизости и, обходя посты на своём участке, каждый день ходил мимо длинного глухого забора. В народе эту постройку советского периода называли Бастилия. До того как открыли женский следственный изолятор, там был лечебно-терапевтический профилакторий. Мне были известны два ЛТП в нашем районе: один в Печатниках, а другой на улице Чистова, почти на пересечении с улицей Люблинской. Второй ЛТП располагался в двух шагах от моей школы, и мы, пацанами, по просьбе сидельцев часто бегали в винный магазин. Пациенты ЛТП через решётки на окнах кидали деньги на пузырь портвейна или «Старки» и спускали из окна верёвку. Стащить деньги элэпэшника считалось позором, поэтому у мужиков, запертых для принудительного лечения от алкоголизма, никогда не кончалось спиртное.

— Да, наверное, уже там, — ответил Лёха, убедившийся в том, что у унитаза на «сборке» нет бачка и принявшийся читать надписи на грязно-жёлтых стенах. — А.У.Е. — прочитал он вслух. — «Жизнь Ворам!» Как расшифровывается А.У.Е., не знаешь?

— Вроде как Арестантско-уркаганское единство, — ответил я, припоминая статью по теме.

— Ну и название. Арестант и урка — это же разные вещи?

— А пёс его знает. Арестантом, по идее, может стать каждый, а вот уркой — надо постараться. Арестант — звучит более интеллигентно, а урка есть урка. Как бы классовое соединение получается.

— И откуда эти ауешники взялись? Я чего-то раньше про них не слышал. Кто-то ж качает тему.

— Темы всегда кто-то качает. Я читал, что в провинции малолетки облагают дабню школьников. Типа на общак. Но куда потом эти деньги попадают — большой вопрос.

Лязгнул засов. Новый конвойный отвёл нас по тёмному широкому коридору в ещё одну «сборку». По периметру камеры — человек пятнадцать разного возраста.

— Давно сидим? — громко спросил я сокамерников.

Народ в «сборке» был полусонный, и мне ответили не сразу:

— Часа три.

Люди сидели в состоянии отрешённой задумчивости: кто-то глядя себе под ноги, кто-то на нас, кто-то закрыв глаза и откинувшись спиной на стену.

— Вы все здесь на карантин тоже?

— Кто на карантин, кто с суда едет, кого с Матроски килешуют.

— А чего так поздно с суда-то?

— Обычно, — ответил мне небольшой паренёк и улыбнулся.

— Много народу с судов?

— Да почти все. Но это немного. Лето, отпуска. А зимой тут сесть негде, в основном стоймя.

— Три часа стоймя?!

— Бывает, и пять, — снова улыбнулся паренёк, несколько человек закивали.

Я закурил и незаметно присматривался к сокамерникам. Возраст — от двадцати до тридцати пяти визуально. Почти все — славянской наружности, за исключением двух чеченцев или ингушей, сидящих вместе. Все в расслабленном состоянии, это читалось по позам, в таких позах сидят уставшие люди после трудового дня. Было ясно, что эти арестанты по многу раз уже сидели вот так на пристенных лавочках, и их расслабленное спокойствие и умиротворённость вселили в нас ощущение уверенности, что сегодня ничего страшного не случится. Тихо журчала струйка воды в унитазе. Вполголоса кто-то с кем-то говорил, как будто соседи у подъезда. Казалось, ничто не нарушит этого их внутреннего равновесия, в причинах которого — опыт, многодневное и нудное повторение одних и тех же маршрутов, незначительных событий, понятных звуков и привычных реакций.

Спустя час бесцельного и утомительного ожидания за серой дверью «сборки» послышалось какое-то вошканье, раздался знакомый звук проворачиваемого в замке ключа, и в открытую дверь заглянул охранник.

— Мыться пойдём? — крикнул он как-то задорно и весело. — Завтра суббота. До следующей пятницы бани не будет.

— Будем-будем мыться! — сказал кто-то, и народ, вставая и потягиваясь, неторопливо направился на выход из камеры.

В полностью отделанной кафелем помывочной — два отделения. Там, где раздеваются, и там, где мыться. В раздевалке света не было, а в помывочной свет горел очень тускло, через открытый проём в стене освещая раздевалку. На тёмном кафеле пола стояла вода. Её было так много, что моя матерчатая обувь и низ штанин джинсов сразу промокли. Чертыхаясь, мы стали быстро снимать одежду, развешивая её на крючках, торчащих прямо из стен. На помывку — пятнадцать минут. Вода в помывочной уже вовсю лилась с сильным напором из отверстий в широкой трубе, проходящей посередине потолка от стены до стены. Перегородок не было. Арестанты заполнили всё пространство и поспешно намыливались половинками кусков хозяйственного мыла.

Сквозь клубы пара я разглядел Лёху, стоящего под струями горячей воды, склонивши голову. Он был просто огромен. Жировые складки покрывали его торс так отвратительно, что я отвернулся, не в силах смотреть на гигантский живот, снизу разделявшийся на две части и подворачивающийся, как заправленное в штаны ватное пальто. За годы, прожитые в Москве, Лёха сильно разжирел. Такое часто бывает с крупными людьми, когда они в юности усиленно занимаются спортом, а потом бросают это занятие. В столицу Алексей приехал стройным красивым парнем весом не более девяноста пяти килограммов — весы в СИЗО показали сто семьдесят два. Он был ровно в два раза тяжелее меня, и если быть честным, я был даже рад тому, что его посадили. Из соображений здоровья. Глядя на то, какой образ жизни вёл Лёха и что он ел и пил, я не мог найти этому никакого логического объяснения. Человек словно ставил над собой многолетний эксперимент по выживаемости в условиях преизбыточного питания и безмерного употребления алкоголя. Я не протянул бы и года в таком режиме. Только тюрьма могла исправить это положение, так как никакие разговоры на эту тему на Лёху не действовали.

— Лёх, надо худеть, — сказал я ему в раздевалке, вытираясь собственной одеждой, — отвратительно ты выглядишь. Я бы блеванул на месте бабы, если б тебя голым увидал.

— Ну да. Надо, — согласился Алексей, но я знал, что эти слова ничего не значат. Иногда у меня возникало ощущение, что он специально себя убивает, а может, так оно и было.

Лёха приехал в Москву в 91-м году из Северного Казахстана по просьбе своего друга Юры, оказавшегося в столице на год раньше. Юра стал первым мужем моей сестры и достоин отдельных слов. Он был младше меня на девять лет, но производил впечатление очень солидного человека неопределённого возраста. Крупный, вальяжный, внушительный. Как-то раз, катаясь с ним по его делам по Москве, мы остановили такси у входа в гостиницу «Метрополь».

— Тут есть классная сауна, — сказал он мне. — Пошли позекаешь.

На нём был бежевый лайковый плащ, брюки цвета капучино, светло-коричневые ботинки. В руках — тяжёлый чёрный мобильный телефон-чемодан, по которому Юра никогда никому не звонил. Возможно, телефон вообще не работал, будучи элементом имиджа, таким же как и широкая, с два моих пальца золотая цепь. Юра всегда вытаскивал её через ворот своих водолазок для всеобщего обозрения.

Я шёл следом за Юрой и был совершенно уверен, что сейчас нас остановит швейцар на входе, но швейцар с холуйской улыбкой шагнул навстречу вальяжно идущему Юре и широко распахнул перед ним массивную деревянную дверь с толстым, идеально прозрачным стеклом. Проходя мимо швейцара, Юра, не глядя на него, небрежно бросил: «Это со мной», — имея в виду меня. Почему он назвал меня «это», я не понял и спросил:

— А почему «это», Юр?

— Что «это»?

— Ты сказал про меня: «это». Швейцару.

— Я имел в виду: этот человек со мной. Не парься. Швейцар же всё понял.

Юра приехал в Москву из Казахстана с двумя миллионами долларов, которые вручил ему ещё один его друг Женя, а тот взял их в кредит в каком-то казахском банке на покупку в Италии каких-то то ли кружевных женских трусов, то ли комбинаций. На часть денег Юра расселил шестикомнатную коммунальную квартиру на Чистом переулке с длинным девятиметровым балконом, с которого открывался завораживающий вид на резиденцию патриарха всея Руси. Я тогда поражаюсь этой особенности многих провинциалов — с ходу и влёт безошибочно выхватывать в незнакомом городе самые лакомые и интересные вещи, словно у них был какой-то специфический нюх на них.

У Юры в Москве был друг, казах, который приехал сюда раньше и женился на москвичке, проживавшей в доме на Чистом, в той самой коммуналке, расселённой этим казахом на Юрины деньги. Юра купил семье казаха трёшку на Таганке, а сам забрал себе расселённую шестикомнатную. Потом я узнал, что дом, где находилась эта квартира, до революции был одним из доходных домов баронессы Надежды Филаретовны фон Мекк — известной русской меценатки, долгие годы перечислявшей ей деньги, доставшиеся ей в наследство от мужа, на содержание Петра Ильича Чайковского. В каждой комнате этого дома имелись каминны, которые при баронессе были выложены шикарными изразцами сине-белой расцветки. После революции дом, как и многие другие дома Москвы, был национализирован, разбит на коммуналки и заселен нуждающимися в жилье. Каминны заколотили фанерой и заклеили обоями, а отодранные изразцы стали украшением печей и каминов на загородных дачах партийной номенклатуры.

Месторасположение дома уникально: в двух шагах от метро Кропоткинская, в очень тихом переулке, лишённом практически полностью автомобильного движения. У ворот резиденции патриарха стояли две постовые будки, окрашенные наискось чёрно-белыми полосами, там круглосуточно дежурили вооружённые милиционеры. Юрин казах рассказывал мне, что однажды оставил у подъезда дома на Чистом свой «порше» с открытым настежь пассажирским окном (он опаздывал на самолёт в Италию, где у него с одним нашим бывшим подданным был бизнес, связанный с экспортом русских девушек для работы в итальянских ресторанах). В салоне на переднем сиденье лежала пачка Marlboro. Через две недели казах вернулся домой и обнаружил «порш» и забытую пачку нетронутыми.

Чем занимался в Москве Юра, мне было совершенно неизвестно, но я был искренне рад за свою младшую сестру, недавно закончившую школу. Юра казался мне очень надёжным и уважаемым человеком, а когда я узнал от сестры, что он купил в Москве два банка и стал председателем правления, я окончательно уверовал в то, что судьба к моей сестре благосклонна и ей чрезвычайно повезло. Она быстро забеременела и всё время проводила дома, дожидаясь мужа, а я любил заезжать к ним вечерами на ужин, так как у них всегда было мясо и множество разных соков в пакетах, которые я очень любил, но сам не покупал, так как денег от моей работы в редакции не хватало ни на что. В выходные я занимался извозом, чтобы иметь возможность более или менее нормально поесть, но заработанные «подметанием улиц» деньги постоянно вырывал из рук ветер, как пелось в одной популярной тогда песенке. Помню, как жена сказала мне, вздыхая: «Думаю, нам надо очень аккуратно носить джинсы, возможно, мы больше никогда не сможем себе позволить их купить». Но жизнь сложилась иначе.

Глава 6. А.У.Е.

После помывки арестантов развели по разным этажам. Конвойный, замыкавший группу, постоянно подгонял арестантов, выкрикивая в спины мотивирующие обрывистые фразы типа: «Шевелим булками, пацаны!», «Давай быстрее!» Или: «Не спим, не спим!» Тёмный коридор заканчивался освещённой рекреацией, как казалось. Не доходя до освещённой части, нас остановили:

— Берём матрасы, подушки и одеяла! Бельё — дальше.

В темноте мне сначала было неясно, где это брать, но шагнув в сторону, я разглядел кучу тряпья и попытался нащупать матрац потолще, но все матрасы были одина-

ковые — матерчатый синий конверт, в который вставлен лист поролона толщиной сантиметра три-четыре. Мою попытку вытащить из кучи два матраса пресёк охранник. В выбранный матрас я завернул покрывало и подушку.

Нас построили у стены и стали распределять по камерам. Меня и ещё двоих незнакомых мне арестантов завели в первую открытую. Оказавшись внутри небольшой «хаты» с двумя двухъярусными металлическими кроватями, стоявшими друг от друга на расстоянии вытянутой руки, мы, побросав свои матрасы на железные решётки кроватных каркасов, начали знакомиться.

В мутное от грязи окно за решёткой камеры ещё не ударили первые лучи солнца, только едва различимо посветлела полоска неба над освещённым снизу фасадом соседнего корпуса. В открытую настежь часть окна, сконструированную изначально, видимо, как форточка, доносилось стрекотание сверчка.

— А-у-у-е-е! — прокричал вдруг кто-то рядом за окном.

Двор тюрьмы наполнился разноголосьем. Кричали со всех сторон: и справа, и слева, и откуда-то сверху.

— А-у-е-е-е! — отрывисто выкрикнули, как показалось мне, из соседней камеры.

— А-у-у-у-е-е-е! — словно эхом неслось по замкнутому тюремному двору, отскакивая от решёток и стен корпусов.

Парень, только что представившийся Сергеем, просунув пальцы рук в решётку и максимально приблизив лицо к чернеющему проёму форточки, прокричал в сторону едва брезжущего рассвета:

— Жизнь вора!

— Жизнь вора! — покатило по двору на разные голоса, словно те, кто выкрикивал «А.У.Е.», только что вспомнили, что есть и такая кричалка.

— Жизнь вора! — как заведённые повторяли мантру из разных камер, каждый стараясь окрасить эту фразу безудержной экспрессией, на какую только были способны голосовые связки человека.

Услышав это на воле где-нибудь в тёмном переулке у себя за спиной, человек со слабыми нервами мог бы запросто навалиться в штаны. Произнесённое слитно «щиварам», с ударением на последнем слоге, а именно так, не разделяя слова, и кричали из самого дальнего предела тюремного двора, могло послышаться чем угодно, только не тем, чем было на самом деле.

Переключка между камерами централа с требованием жизни вора продолжалась минут сорок, усиливаясь и затухая периодически. Сергей раз за разом неистово орал в отверстие окна камеры «Жизнь вора!» или «А.У.Е.» Кричал он всякий раз на пределе возможностей человеческих, краснея лицом и приходя в экстаз, когда слышал в ответ на свои усилия достойное по эмоции продолжение. После того как взбодрённый кричалками спецконтингент заведения констатировал восход светила над кронами тюремных осин, всё постепенно сошло на нет и прекратилось.

Начался азан. Над широким колодцем двора изолятора высокий и сильный мужской голос запел:

— Аллаху Акбару-Ллаху Акбар! Аллаху Акбару-Ллаху Акбар! Ашхаду аль ля илляха илля-Ллаах!

Откуда-то издалека, из-за стоящего справа корпуса СИЗО, стали доноситься звуки утреннего развода:

— Здравствуйте, товарищи!

— Драв-гав-гав-рищ-ков-ник! — отвечали на приветствие начальника тюрьмы младшие по званию фсиновцы, а к ним присоединялись тюремные овчарки. Каждое утро лай собак, не стихающий около часа, означал, что новый день начат.

Глава 7. ЗА ЧТО?

В хату вместе со мной и Сергеем попал азербайджанец тридцати восьми лет по имени Азат. Азат был широк в кости, с пузиком и аккуратно подстриженной тёмной бородой. Заехал он по сто пятьдесят восьмой (кража). Внешне Азат не производил впечатление человека, промышляющего воровством. Скорее, он был похож на ти-

пичного торговца с колхозного рынка, поэтому, когда он представлялся и называл статью, я удивлённо поднял бровь, и Азат, обратив внимание на мою реакцию, стал горячо делиться своей бедой.

Однажды ночью Азат таксовал на своей машине. Неподалёку от гостиницы «Москва» его остановил взмахом руки мужчина. Тот был изрядно пьян, сел на заднее сиденье, назвал улицу, завалился вбок и уснул. Азат тронулся по навигатору под бодрую песню про чёрные глаза. Имея привычку ездить быстро, так как волка ноги кормят, дитя каспийских просторов вскоре добрался до места и обернулся к пассажиру уточнить номер дома. Пассажир частично съехал на резиновый коврик для ног и ни в какую не хотел просыпаться. Настроение у Азата испортилось. Выйдя из машины, он открыл заднюю дверь и принялся усаживать пассажира в прямосидячее положение. Пассажир открыл глаза и, видимо, испытав мощное внутреннее возмущение от выпитого и съеденного до поездки, содрогнувшись всем телом, задорно и щедро выпустил из себя содержимое своего желудка. Стихийное отторжение корма, каким питался пассажир, пришлось в сторону лобового стекла и панели приборов автомобиля, которые значительно залепило, после чего пассажир снова повалился на сиденье и продолжил свой прерванный бесцеремонным образом отдых.

Азат, никак не ожидавший от клиента такой вероломной реакции на его сервис, принялся извлекать мужика из салона, одновременно высказывая ему ряд логичных в такой ситуации соображений. Мужик, недовольный тем, что кто-то не даёт ему выспаться, ловко лягнул азербайджанца ботинком в шею, после чего Азат, занимавшийся в свободное от извоза время в кружке любительского бокса, ударил мужика по бороде. Вся эта петрушка произошла внутри салона и на камерах наружного наблюдения не записалась, зато записалось, как Азат, вытащив из салона своего авто тело клиента и бережно уложив его на газон, достал из внутреннего кармана его куртки лопатник, убедился в том, что там есть деньги, забрал их и уехал, оставив в памяти прибора круглосуточного бдения номера своего средства производства и особые приметы преступника в виде окладистой бородки на лице кавказского типа.

Когда к концу следующего дня за Азатом приехали два опера, он не стал отпираться и откровенно поделился деталями ночного инцидента, полагая, что два паренька в тёмно-синей форме сотрудников полиции поймут и простят, так как деньги из кармана спящего на газоне клиента он забрал исключительно для того, чтобы оплатить услуги автомойки по глубокой химчистке салона перепачканного автомобиля. Беда в том, что денег в кошельке было сто сорок две тысячи. Это часть третья.

У Азата был особый порядок — это когда человек, совершивший преступление, сразу во всём признался. Суд по особому порядку проходит быстро и срок судья даёт ниже нижнего. Азат получил полтора года. Статья авторитетная, судимость первая, УДО (условно-досрочное освобождение) с половины срока, поэтому Азат переживал исключительно из-за того, что пришлось возместить весь ущерб пострадавшему, а за то, что тот согласился на примирение сторон, ещё и приплатить двести тысяч.

Делать выводы о виновности или невиновности человека, когда он рассказывает тебе свою версию произошедшего, непросто. Практически всякий, кто получает срок по приговору суда, находит массу причин считать приговор несправедливым. Есть в этом некая инфантильность, с которой я в той или иной степени проявления сталкивался. Для людей инфантильных, а их полно в тюрьмах и лагерях, приговор — это прежде всего обида на тех, кто их судил. Тема «мама, я не виноват», сквозящая в лирике блатного мира, подтверждает мысль, что осуждённые часто являются личностями незрелыми, склонными перекладывать свою вину на обстоятельства и других людей и неспособными трезво оценивать собственные поступки. Сознание осуждённого реагирует на приговор таким образом, что начинает искать причину наказания не внутри, а вовне, почти всегда искажая факты и опуская неудобные нюансы. Случай Азата вполне мог быть типичным подтверждением этому, ведь довольно легко можно представить произошедшее с ним под разным углом.

Тот, кто использует свою личную машину для извоза, — это человек, раздавленный обстоятельствами, и, по сути, человек слабый, если он делает это долго. В моей жизни были периоды, когда я «бомбил», и могу сказать точно, что занимаются этим

два типа людей. Первый тип — это люди, которые неправильным образом выбрали для себя основную работу, и денег, приносимых ею, не хватает, а второй тип — это лентяи, которые находят тысячу причин не искать способ зарабатывать деньги в нужном объёме. Для первых извоз — занятие временное, пока не найдено что-то более выгодное, для вторых — образ жизни, довольно быстро дающий возможность испытывать раздражение от несправедливости и жестокости мира по отношению к ним. Это раздражение — реакция инфантильного сознания на обратную связь с окружающим миром, с которым волей-неволей постоянно приходится взаимодействовать. За долгие годы почти все «бомбилы» становятся людьми мелочными, ворчливыми и недовольными всем и вся, так как вынужденный выбор занятия не оправдывает потраченных сил и средств, особенно когда человек точно знает, что он способен на большее.

Исходя из такой трактовки, Азат либо неудачник, либо лентяй, что в уравнении с неизвестным результатом практически одно и то же, так как рефлексии неудачника равнозначны рефлексиям человека ленивого. Вечный дефицит денег, заставляющий скачивать на смартфон программы агрегаторов и каждый день садиться за руль, гоняет сознание Азата вокруг мысли о том, что рано или поздно ему повезёт с клиентом и он заработает денег не как обычно, а раза в два или три больше при прочих неизменных. Извоз — рулетка, в ней бывают редкие выигрыши, но игрокам никогда не обыграть крупье, и они это знают.

Едет Азат и видит бредущее походкой, привлекающей внимание окружающих, тело. Тело хочет домой и сильно пахнет алкоголем и почти неуловимым, таким безопасным, как всегда кажется со стороны, запахом дорогой жизни, наполненной фарфоровой тактильностью и далёким хрустальным звоном женского смеха. Это ли не шанс? Так или не так — неизвестно. Азат не производил впечатление разбойника, и изложение им своей истории, или, как говорят тут, «делюги», показалось мне искренним. Мысли в голове могут возникать разные — реальное их воплощение совершенно не обязательно.

Сергей не вызвал у меня раздумий, аналогичных тем, что возникли после рассказа Азата. Было ему лет двадцать семь. Получил пять с половиной лет общего режима за управление автомобилем в нетрезвом виде. Услышав о сроке, я, понятное дело, удивился и поинтересовался, насмерть ли он сбил пешехода.

- Не. Никого не сбил, — ответил парень, застенчиво улыбаясь.
- Не понял. А за что ж тогда такой выхлоп? Угнал по пьяни?
- Не. Я не в первый раз просто.
- Это как?

Сергей рассказал, что в первый раз — его лишили прав. Второй раз случился через два месяца после первого — его посадили на пятнадцать суток. Третий раз Сергей был пойман пьяным за рулём на следующий же день после того, как он отстрелялся по второму задержанию. Его судили и приговорили к двум с половиной годам условно. Тот суд Сергей ожидал в СИЗО и был отпущен из зала суда. Отсидел тогда он «за судом» три месяца с небольшим. Выйдя на волю, Сергей не заставил себя долго ждать и через полгода после очередной попойки снова принял на себя управление транспортным средством, за штурвалом которого он и был зафиксирован сотрудниками ДПС в очередной раз.

Серёжа не производил впечатление сказочного придурка, я не мог объяснить себе его непреодолимое желание наперекор судьбе наступать на грабли, но выяснять обстоятельства, проливающие свет на его упоротость, я не стал, так как снаружи уже вовсю рассвело и совершенно неожиданно и громко в нашей камере заработало радио.

«...кусочка калбаски у тебя лежали на столе», — внезапно и мощно, так, что мы с Азатом вздрогнули, заорало где-то над дверью.

- Это что такое?! — стараясь перекричать песню, заорал я в сторону Сергея.
- Так всегда. Каждое утро. Если попросить, когда завтрак принесут, то могут выключить, — ответил Сергей, вытягиваясь на верхней шконке.
- А если не просить — весь день будет орать?
- До двадцати двух.

— А зачем?
Сергей пожал плечами:
— Воспитание.
— Хитами восьмидесятых?! Бред какой-то.
— Искусство, — задумчиво констатировал Сергей в светло-коричневый потолок с усталым видом гида экспозиции древнерусской живописи Третьяковской галереи, тем самым давая понять, что разговаривать как бы не о чем и можно поспать.
— Воспитатель говорит, что искусство правильно влияет на арестантов. Тут вот стихи хорошие.

Как можно было спать при таком звуковом сопровождении, я пока не понимал, поэтому пересел за маленький стол с ножками из металлического уголка, вмонтированными в пол. С двух сторон стола располагались лавки, их ножки тоже были намертво приделаны к полу. Из мебели в хате были ещё табуретка и две тумбочки, которые, как и всё остальное, сдвинуть с места было невозможно. Азат тоже сел за стол напротив меня, изобразив на лице кислое выражение.

— Через восемь месяцев дома буду, да? — спросил он.
— Да. Если залётов не будет, уйдёшь по УДО с лагеря.
Азат вздохнул.
— Восемь месяцев! У меня младшему сыну шесть лет...
— А сколько всего детей?
— Четверо. Три девочки, один сын.
— Это недолго, Азат, — стал успокаивать я азербайджанца. — В феврале дома будешь.
— Чёрт меня дёрнул этот бумажник взять! — продолжал сокрушаться Азат, качая головой из стороны в сторону. — Камеры эти, блин, на каждом столбе висят...
— Да. Времена тяжёлые нынче. Раньше сунул в репу кому-нибудь и пошёл, да и люди были другие.

— Эй, другие были люди! Точно тебе говорю! — подхватил Азат с жаром. — Гнилые люди стали. Получит по морде — сразу ментовка бежит. Жаловаться надо. Ты мужик или кхто?! Ты — баба, если жалуешься! — я сочувственно покивал. — А тебе суд бил уже, брат?

— Был. Вчера.
— Сколько дал?
— Шесть.
— Вай-вай, — выгарашил глаза Азат, — шесть лет?! Убил кого-то?
— Нет. За «убил» меньше дают. Сто пятьдесят девятая часть четыре.
— Это что? Разбой?
— Мошенничество, — по виду Азата было ясно, что он не понял. — Строительство, — пояснил я.
— А-а-а, понятно. Дети есть?
— Двое. Два пацана.
— Ой-ёй-ёй! — Азат снова закачал головой. — Держись, братка!

За дверью послышалось какое-то движение. Сергей заворочался и громко, перекрикивая музыку, сказал:

— Ща баланду дадут. Завтрак.

Дверь, издав несколько щёлкающих позвякиваний, отворилась не вся, а в части небольшого квадрата, расположенного на уровне живота. Этот квадрат откинулся наружу под девяносто градусов, образовав столик с внешней стороны двери.

— Завтракать будем? — крикнул в окошко кто-то невидимый.

— Будем! — прокричал в ответ Сергей, спрыгивая со шконки и надевая на ноги резиновые шлёпанцы.

Он взял со стола пластмассовую тарелку, сполоснул её в раковине, прикрепленной к стене за лавкой стола, шагнул к двери, согнулся пополам, чтобы взглянуть в лицо через окошко, и попросил:

— Братишка, выруби музыку, пожалуйста. Задолбала в корягу.

— Я не могу. Сейчас продольного попрошу.

Продольный — это сотрудник СИЗО, находящийся в моменте на этаже. Продо-

лом, соответственно, называется этаж централа. Сколько этажей в здании, где мы находились, я пока не знал, но через отверстие в окне за мощной решёткой, наглухо закрытой по типу старых ставней, виднелся соседний корпус, где насчитывалось шесть этажей, плюс седьмой без окон и решёток, но с какой-то странной крышей, по периметру которой шла колючая проволока.

Неожиданно музыка оборвалась, видимо, продольный выключил динамик, и в хате наступила звенящая тишина.

На завтрак дали овсянку, грамм десять сахарного песка, насыпанного в пластиковую кружку, и «кирпич» тёплого, свежеспечённого серого хлеба. В тарелке была нормальная, переваренная в клейстер овсянка, с добавлением комбижира. Я насыпал в неё столовую ложку сахарного песка с горкой и вполне нормально подкрепился. И хлеб был вполне сносный, особенно корочка, хрустевшая, как ей и положено. Хлеб — пепельно-кремового цвета, его явно пекли в самом СИЗО, и у меня создалось впечатление, что он бездрожжевой.

Позавтракав, мы помыли посуду и завалились на шконки, застелив их бельём чуть темнее тюремного хлеба, которое нам просунули в «кормушку» следом за кашей. Бельё воняло каким-то старым жиром с примесью аромата карболки и нагоняло тоску. Запах тюремного белья — запах печали.

— А что это за перец нас сейчас покормил? — спросил я Сергея, устроившегося на верхней шконке.

— Это хозбанда. Арестанты, которые остались в СИЗО и не поехали на лагерь.

— Как это?

— Всем предлагают. Можно свой срок тут, в СИЗО, отсидеть. И УДО у них стопудовое.

— Серьёзно?

— Да. Если ты остался в хозбанде, считается, что ты однозначно встал на путь исправления, и если у тебя нет залётов, то тебя отпускают с полсрока.

— А кого туда берут? — заинтересовался я, мгновенно разделив шесть на два.

— Ну, понимаешь, правильный арестант не сотрудничает с администрацией. Как бы это запахло для арестанта.

— А что плохого делают зеки в хозбанде?

— Да ничего. Убирают территорию, готовят еду, погрузка-разгрузка — вся хозяйственная деятельность, одним словом.

— А где их содержат?

— У них свой отсек на централье.

«Козлы» (так называют контингент «хозбанды») живут в СИЗО отдельно и имеют привилегии в виде разрешённых электронных книг, свободных звонков близким с официального таксофона, у них есть свой спортзал, им даже предоставляется отпуск, проводимый в СИЗО, но в отдельных комнатах, оборудованных всем необходимым, а самое главное, что прямо тут, в изоляторе, им дана возможность длительных свиданий с жёнами. И за это от «козлов» требуется одно — обеспечивать бесперебойную работу хозяйственных служб пенитенциарного заведения. На информационном стенде камеры карантина среди прочей информации я нашёл обращение к арестантам с перечислением льгот для «бойцов» хозотряда. Глядя, как я читаю это обращение, Сергей сказал:

— Я бы даже не думал на вашем месте. Хороший шанс выскочить без денег с половины срока.

— А что, по УДО с лагеря за бабки уходят?

— Конечно. Во всяком случае, я не слышал, чтобы бесплатно кто-то откинулся.

Может, и есть какие-то исключения, но я не слышал.

— И почём УДО на лагере?

— По-разному. Скажем так, минималка — сто рублей за год.

— Сто тысяч?

— Да, — Сергей сел на кровати. — Вы же не собираетесь второй раз заезжать?

Я улыбнулся.

— Да я и в первый не собирался.

— Карьеру в преступном мире не собираетесь делать?

— Нет.
— Ну, а чего тогда париться? Главное же — поскорее и без затрат свалить отсюда. Правильно же? С арестантами «козлы» не пересекаются, живут отдельно. Кому какое дело, что вы в хозбанде срок отмотали?

Я задумался.

— А сколько народу в хозбанде на централье?

— Да человек двести.

— Я в хозбанду пойду, — сказал Азат, сменивший меня у информационного стенда.

— Как-то слишком заманчиво, — прокомментировал я заявление Азата. — Что-то менястораживает. Слишком всё гладко как-то.

Мы вяло ещё говорили о чём-то несущественном, но сказывались сутки без отдыха, и мои сокамерники заснули. Я разглядывал широкие полосы металлического каркаса верхней шконки и задумался над тем, что бы проложить между матрасом и этим металлом, чтобы лежать на кровати было не так жёстко. Азат стал прихрапывать, и я решил, что надо бы успеть заснуть, пока храп не стал слишком громким, но сон, как назло, не шёл. В голове одно за другим проплывали воспоминания прошлого дня. Вспомнилась первая «сборка» и молчаливое удивление Лёхи, когда он, заглянув «на дальняк», убедился в том, что там нет бачка для воды. Почему-то этот эпизод не казался мне неважным. Сколь я ни силился вспомнить, откуда я мог знать о таком нюансе, вспомнить не мог. Возможно, просто забыл услышанное когда-то от кого-то, но почему у меня на входе в «сборку» возникло сильное ощущение, что я уже в ней бывал, я никак не мог объяснить. Но какой-то ответ должен быть, и я пытался найти его, вороша прошлое.

И там же, в моём прошлом, должен быть ответ на вопрос: «За что? Как же так? Что я сделал такого, чтобы оказаться тут?»

Глава 8. ЭДИК

Среди прочего я поинтересовался у Сергея:

— Когда нас отсюда по постоянным хатам разведут?

— Может, завтра, может, дня через три.

— В хатах много народу сидит?

— По-разному. От трёх до бесконечности. Бывает, что и спят посменно.

— Да?

— Ну, представь: в хате, к примеру, восемь шконоарей, а людей человек тридцать. Как им спать-то? Вот одна смена спит, вторая ходит, третья сидит за «дубком» (столом) или на краю шконок.

— Тридцать человек на восемь шконок?!

— Бывает, и сорок.

Верить в такое разум отказывался, но в девяностом один мой однокурсник шесть месяцев провёл на «Матросской тишине», а когда приехал ко мне домой оттуда, то рассказывал, что именно так дела и обстоят.

Однокурсника звали Эдик. Мастер спорта по мотокроссу. Он был с Украины. На первом и втором курсах я много времени проводил с ним в ДАСе — общежитии МГУ на улице Шверника. Осенью девяностого года Эдика поймали у ДАСа с пакетом маковой соломки весом девятьсот граммов и закрыли. Я присутствовал в зале суда, когда судья предоставил Эдику последнее слово. Эдик, не сдерживая бегущих по плохо выбритым ввалившимся щекам слёз, дрожащим голосом произнёс:

— Ваша честь, умоляю вас не отправлять меня обратно в изолятор. Мне лучше, если бы меня застрелили прямо здесь, на месте. Только не обратно! Вы даже представить не можете, какой там ад! Прошу вас быть милосердным! Не убивайте меня!

Эдик закрыл лицо руками и сел на лавку в своём загоне. Последнее слово Эдика настолько изумило меня своей краткостью и высоким градусом переживаний, что я не знал, как реагировать. Человек, которого я знал совсем другим, бурлящим юмором и оптимизмом, какого хватило бы на десятерых, превратился в раздавленное обстоятельством существо. Глядя на друга, я не мог поверить в эту метаморфозу и

не мог понять, что может так влиять на психику человека за решёткой.

Когда я был совсем маленьким, я часто думал о смерти. Мысли о ней постоянно лезли мне в голову. Когда я узнал, что все люди когда-нибудь умрут, мне стало очень горько, а позже решил, что коль смерть неизбежна, то нужно жить так, чтобы всем было жалко, что ты умер. А ещё я надумал, что умирать надо прилично. Например, героически умирать. Во имя идеи, как Джордано Бруно, или за людей, как Гастелло. И чтобы труп твой был красивым и не вызывал отвращения у людей, которые его найдут. Я представлял себе свой труп в чистой белой шёлковой рубашке, с алым пятном крови в области сердца, в чёрных брюках и безукоризненных блестящих чёрных лаковых туфлях, лежащий в красивой позе на фоне цветущей природы, и музыка такая печальная чтобы играла, как в кино. Я понимал, что смерть может заставить человека врасплох, и у него, может, и не будет времени на то, чтобы почистить ботинки и привести себя в приличный вид, но это смерть. То, в каком виде предстал Эдик, пугало, и я подумал, что красиво умереть — это даже не половина дела, главное — сохранить к моменту расставания с жизнью достойный вид.

Эдику дали шесть месяцев общего режима. Это был грандиозный успех адвоката, так как ко времени вынесения приговора его подзащитный отсидел в СИЗО уже пять с половиной месяцев. Через две недели Эдик позвонил в мою квартиру в Царицыно. Когда я открыл дверь, Эдик попытался встать на колени прямо на лестничной площадке. Я успел подхватить его и втащил в прихожую.

Он пришел поблагодарить меня за то, что я помог ему выбраться из тюрьмы, раздобыв медицинскую справку, сыгравшую ключевую роль в адвокатской системе защиты.

— Знаешь, какой там беспредел? — спросил Эдик, когда мы отмечали у меня на кухне нашу встречу.

— Слышал.

— Ты слышал про то, что раньше было. Я тоже много чего слышал про совок, но сейчас ещё хуже.

— Да ладно, Эдь. Ужаснее того, что я читал у Шаламова, трудно представить.

— Но это когда было! В позднем совке уже всё в нормальный вид пришло. А сейчас, в девяностые, всё вернулось к тридцатым.

— Что, так же убивают?

— Хуже.

— Ну, это ты преувеличиваешь с непривычки.

— Вот смотри. Начну с того, что моей хате было двадцать шконок — десять двухъярусных кроватей, а сидело там в среднем шестьдесят человек: от пятидесяти восьми до шестидесяти четырёх. И сон в три смены. Одна смена спит, другая ходит или стоит, третья сидит на краях нижних шконок и за «дубком».

— А почему так? Мест мало?

— Да. Переполнены тюрьмы. Лагеря переполнены. Ко всему прочему, в камерах нет света. Вернее, он есть, но его нет.

— Как это?

— Должна гореть лампа дневного света, — начал объяснять Эдик с набитым ртом, подбедая остатки нарезки на тарелках, — но она не горит. Её зеки выводят из строя. Чтобы не уставать от света. Многие же днём спят. А ночью горит тусклый ночник.

— А окно?

— На окне мелкая решётка, а на ней сушится постиранная одежда. Народу-то много, кто-нибудь всё время стирается. Вечно над головой мокрая одежда. Ещё натягивают верёвки вдоль камеры, и на них сушат. От этого в камере очень сыро. Представляешь — жара, духота, все потные, злые и сырость эта, от которой любая царапина начинает гнить. Баланда — помой. Жрать невозможно. Я такого дерьма в миске с армейских времён не видал, — Эдик улыбнулся странной улыбкой и продолжил вполголоса, словно опасаясь, что кто-нибудь мог нас услышать: — И вот на этом фоне все эти шестьдесят человек начинают превращаться в скотов. В больных скотов, потому что половина зеков больные и заразные, — Эдик на минуту замолк, словно вспоминая что-то, а потом спросил: — Ты знаешь, что будет с домашней свиньёй, если отпустить её на волю, в лес?

- Нет, не знаю.
- Через две недели домашняя свинья в лесу превращается в кабана. У неё шерсть становится бурой, клыки отрастают, живот уходит. Представляешь, тысячи лет селекции и одомашнивания, а в обратную сторону — всего две недельки пути. И представь: человеку надо ещё меньше времени для такого превращения. Понимаешь, там другого не остаётся. Представь: любое слово, произнесённое тобой, будет интерпретировано, его вывернут наизнанку и обратят против тебя. Легче там немым быть.
- Эдик нервно затыгивался и смотрел на меня не мигая. У него почти не было зубов, а те, что торчали изо рта, были как жёлто-коричневые пенёчки.
- Каждую неделю всю камеру избивают охранники.
- Да? А за что?
- Ни за что! Просто заходят несколько человек в хату и молотят всех дубиной!
- Чем?
- Резиновыми дубинками.
- Что, совсем без повода?
- Совсем. Ну, представляешь, шестьдесят человек... Кто-то медленно вышел на проход на проверку, кто-то руки за спину не сложил, кто-то огрызнулся. И понеслась.
- И сильно бьют?
- Сильно. Только не по голове. Стараются не оставлять следов. Ко многим же адвокаты ходят. По почкам, по горбу, по ногам бьют. Больно бьют.
- Мы просидели с Эдиком дотемна. Я узнал, что после универа он уехал на Донбасс и, будучи уже законченным нариком, влился в местную тусовку таких же. Некоторые барыжили и ширялись, другие просто ширялись с утра до вечера, подворовывая на дозу или спекулируя всем, что можно продать. На полях и в огородах ещё был мак, который приносили Эдику со всех сторон, так как до университета он окончил химико-технологический техникум и считался в местной локации одним из лучших варщиков ханки.
- Понимаешь, — с жаром рассказывал Эдик, — я всегда с дозой. Я ж варю. Бесплатная доза в любой момент времени практически.
- И сколько ты плотняком торчишь?
- Пять лет уже. Плотно.
- Бросал?
- Бросал. Через ломку. Шесть месяцев же не вмазывался, — Эдик улыбнулся. — За пять лет три ломки пережил. Бросал, а потом опять начинал.
- Расскажи про ломку.
- Эдик откинулся на спинку стула и прикурил от докуренной сигареты следующую.
- Смотри. Чтоб было понятно. У каждого человека в организме вырабатываются опиоиды. Они нужны для регуляции процессов: для того, чтобы ты нормально ходил, ел, пил, спал, испражнялся, — короче, чтоб жил без болей, которые в любом организме без этих веществ всегда будут присутствовать.
- Прямо опиаты?
- Если точно, то эндогенные опиоиды. Они являются пептидами, в то время как обычные наркотики: морфин, фентанил, метадон — относятся к производным алкалоидов. Героин, например, — опиат и алкалоид, и морфий тоже, только чистый. Но чтобы понять, эти тонкости не нужны. Я тебе упрощённо расскажу, — я кивнул, наполняя рюмки. — Производство опиоидов в организме — очень сложный и энергоёмкий процесс. А тут извне в тело вдруг вливают герыч, к примеру. Да ещё в такой дозе, что охренеть можно, — Эдик сладко затынулся. — Понимаешь, организм вырабатывает мало опиоидов в сравнении с тем, что наркоман запускает по вене. Ровно столько, сколько нужно организму, он вырабатывает. Этого количества недостаточно, чтобы тебя штырило. Оно только боль снимает, к примеру, или спать тебя заворачивает, а тут по вене заходит в сотню раз больше. И немного не то. Более грубая форма. То, что зашло, попало в кровь, а значит, и в мозг, и мозг растопырило. Факт тот, что мозг этому рад. Ему больше не нужно контролировать опиоидную систему,

чтобы она вырабатывала для организма пептиды. Произошла замена как бы. Одного другим. Рецепторы наркотик принимают, как будто он из опиоидной системы к ним поступил. Дальше — больше. Наступает физиологическая зависимость. Когда начинает проходить действие наркотика, мозг тебе сообщает, что пора его запасы пополнить в организме.

— Как сообщает? На пейджер?

Эдик улыбнулся мучительно.

— Создает тебе дискомфорт для начала. А если ты не понял и у тебя нет наркотика, то начинаются боли. Сначала несильные, а потом по нарастающей экспоненте.

— А где болит? И сильно?

— Ты знаешь, адски сильно. И везде. Я много раз собственной мочой вмазывался, чтобы ломку тормознуть.

— Мочой в вену?!

— В моче остатки алкалоидов выводятся. Печень не всё перерабатывает, что-то и в мочу поступает.

— А если выдержишь ломку, не ширясь?

— Тебя отпустит.

— То есть пропадет зависимость?

— Да, мозг заново запустит работу опиоидной системы.

— И сколько длится ломка?

— Примерно две недели. Сложно выдержать. Человека в ломке надо привязать к чему-нибудь, иначе убежит и найдёт наркотик.

Алкоголь не наркотик, поэтому, чувствуя, что больше не лезет, я решил, что пора ложиться спать.

— Давай спать, — сказал я Эдику.

— Знаешь, — ответил он, отвернув лицо в сторону, — у меня ничего нет, чтобы отблагодарить тебя.

— Да брось ты.

— Нет. Не брось. Я должен отблагодарить тебя как-то сильно. Симметрично тому, что ты сделал для меня. Ты даже не представляешь, из какой задницы ты меня вытащил!

— Эдь, не пори чушь, пошли спать!

Прошло двадцать восемь лет. Меня мучила мысль: насколько то, что было в начале девяностых и о чём рассказывал Эдик и другие, отличается от того, что стало и что есть сейчас, когда я сижу в СИЗО?

Глава 9. ЗА ЧТО? ЗА ЧТО! ЗА ЧТО?!

Камера, дверь в которую открыл передо мной продольный, показалась мне очень маленькой. Думал, будет побольше, а она была точно такой же, как камера карантинна — четыре двоянные шконки одна над другой и проход между ними к окну, забранному мелкочаеистой решёткой. Слева от входа — «дальняк», над половинкой двери которого уныло висел «парус» — чёрно-бурое полотенце, перекинутое через верёвку, натянутую вверху дверного проёма между двумя вертикальными металлическими стойками, как бы продолжающего вверх куцую дверцу. В камере было сумрачно, так как горел только ночник и по стенам мелькали блики от работающего телевизора, которого с порога не было видно. Эти блики отражались на лицах троих сокамерников, стоявших перед небольшим холодильником у «дубка». Они с интересом смотрели на меня.

Неясно, как именно человек оценивает ситуацию, попадая в незнакомое место, но нам бывает достаточно беглого взгляда, чтобы понять увиденное и выбрать линию поведения. То, что я почувствовал, переступая порог камеры, где мне было суждено провести целый год, совершенно развеяло то напряжение, какое я испытывал с той стороны бронированной двери. Лица людей показались мне такими приветливыми и участливыми, что я совершенно глупым образом заулыбался и сказал:

— Здравствуйте!

— Здоровы были! — весело ответил мне крепкий мужчина с клокастой седею-

щей бородой, оказавшийся Дмитрием.

— Лёха! — сияя зубами, представился второй сокамерник, огибая холодильник и выхватывая у меня из рук матрас с подушкой. — Твоя койка тут.

Он лихо закинул мой перевязанный простыней рулон на верхнюю шконку прямо напротив открытой форточки.

— Марадона, — протягивая мне руку для рукопожатия, сказал третий обитатель камеры с окладистой чёрной бородой и весёлыми чёрными же глазами. — Это цыганские имя такое.

Все были одеты по-курортному — светлые шорты, тапочки на босу ногу и цветастые майки.

— Квас будешь? — вдруг спросил меня Дмитрий.

— Квас?! — удивился я, принимая из рук Лёхи полную кружку тёмной жидкости и делая большой глоток. Квас оказался чайным грибом, который был знаком мне с детства — раньше почти в каждой квартире на подоконнике в кухне стояла трёхлитровая банка этого похожего по вкусу на квас напитка. Пройдя к «дубку» и оглядев камеру в обратном направлении, я выразил вслух своё изумление: — Да у вас тут Майами прямо! Телевизор, квас, селёдочка с луком, — на «дубке» стояла большая пластмассовая тарелка с порубленной широкими ломтями селёдкой.

— А то ж! — отозвался Дима. — Главное — не позволять себе радовать сотрудников этого дворца мизантропии и стараться жить привычной жизнью! Это не так уж и сложно — все ресурсы внутри нас.

Рисунок 3. Хата (работа автора).

— Да тут ещё и обитель философии! — не в силах сдержать расплывающуюся всё шире улыбку, резюмировал я первые впечатления.

— А как иначе? — отреагировал Дима. — Только в подобных местах и приходит к человеку понимание истинного смысла жизни и цели предназначения, ибо ничто не отвлекает от неторопливых размышлений в этих направлениях. — Ты присаживайся, ешь. Поди, голодный с карантина-то.

— Да нет, не очень, спасибо! — ответил я, допивая гриб. — Я б покурил, если есть. Сигареты часа три как закончились.

— Это можно, — сказали одновременно цыган и Лёха, и оба протянули мне почти полные пачки сигарет.

Удивлению моему не было предела — я как угодно, только не так представлял себе мой вход в камеру СИЗО.

— Сколько тут метров? — спросил я у Дмитрия, осматриваясь.

— Семнадцать и шесть, включая туалет — полтора метра. По нормам, на одного арестанта должно быть не менее четырёх метров, а оно тут как раз столько и есть.

С первого взгляда было видно, что жилое пространство использовалось с максимальной пользой — всюду что-то стояло или было подвешено: какие-то пакеты и сумки, пластмассовые ковшки, контейнеры. С потолка, зацепленные за арматурную решётку плафона дневного освещения, свисали несколько спирально закрученных коричневых лент с обильно прилипшими к ним мёртвыми мухами.

— И все камеры такие на центральной? — спросил я.

— Нет, что ты. Камеры разные. Есть на четыре, на восемь, на двенадцать шконок, в другом корпусе есть на тридцать, тридцать пять... Соседняя с нами — на три шконаря. Но количество ЗеКа в хатах зачастую не связано с количеством шконок. При желании, в нашу хату можно утрамбовать человек пятнадцать.

— Ты давно тут?

— С двадцать восьмого декабря — на «малом спецу», а с тринадцатого февраля — в этой хате. Получается, что тут — ровно сто двадцать дней, или четыре месяца, — ответил Дима.

— «Малый спец» — это что?

— «Подводная лодка». Это соседний корпус, где между камерами нет связи.

— Это как?

— Видишь, у нас на окне «дорога»? — из открытой настежь форточки через одну из ячеек решётки был просунут неровный плетёный белый жгут с привязанным к нему чёрным носком. — Это связь с другими камерами центра, — Дмитрий подошёл к окну и, как преподаватель на кафедре вуза, приподняв верёвку «дороги», начал объяснять: — Это «конь», — сказал он, потряхивая верёвкой. — А это — «кишка», — Дмитрий указал на носок. — «Кишка» — это контейнер, в который можно положить, например, «маляву» или «фонарик» и отправить в другую камеру, если есть нужда у соседей. «На спецах» «дорог» нет.

— А почему?

— Там окна по фасаду не одно под другим, а «ёлочкой», поэтому наладиться тяжело. Но не только поэтому «дорог» нет. А ещё и между самой хатой, где шконари стоят, и «решкой» — ещё одна решётка от пола до потолка, и от неё до «решки» окна метра полтора. Вот и невозможно наладить «дорогу» — до окна не дотянуться.

Дима замолчал на секунду, прислушиваясь к звукам, которые издавала водопроводная труба, металлическим флажком сваренная с решёткой окна и идущая из пыльного, в бурой паутине, угла в грязно-коричневый, затёртый в проходах до дерева пол.

— Не нам, — сказал Алексей. Дима кивнул.

— А до этого, Дим, ты ещё где-то сидел?

— На Матроске, потом на Водниках, в Серпах был.

— Ничего себе! А сколько ты уже сидишь-то?

— Около трёх лет.

— Три года?! А почему тут, а не на лагере?

— Так у меня ж ещё приговора нет. Я ж ещё «за судом». У меня мера пресечения — СИЗО, а суд только недавно начался. Я подсудимый, а не осуждённый.

- И много тут таких?
- Процентом восемьдесят. Изолятор поэтому и называется следственным. В нашей хате вообще все. А у тебя что, суд уже состоялся?
- Угу. Я до ареста под подпиской был.
- А беда у тебя какая? — спросил цыган.
- Сто пятьдесят девятая, четвёртая.
- Добро пожаловать в «Клуб-159»! — сказал Дмитрий.
- У вас у всех, что ли, сто пятьдесят девятая? — почему-то обрадовавшись, спросил я.
- Нет, только у него, — ответил Алексей со своей шконки, кивая в сторону Дмитрия.
- У меня два два восемь-четыре, у цыгана сто пятьдесят восьмая-вторая.
- А два два восемь — это что?
- Приобретение, хранение, перевозка, изготовление и переработка наркотических средств, — ответил за Алексея Дима.
- А сто пятьдесят восьмая?
- Кража, — сказал цыган, затягиваясь сигаретой перед дверцей на «дальняк».
- А что ещё ждать от цыгана, — смеясь, пояснил Дмитрий, — не предательства же родины или организации преступного сообщества хакеров, незаконно опорочивших закрома коммерческого банка. Лопатник или мобила.
- Марадона смущённо улыбнулся.
- Мужики у цыган сами не воруют: воруют женщины, а мы отвлекаем. И то не всегда.
- У него жена тоже сидит. Два с половиной дали, а Марада ещё не осудили. Предварительное следствие идёт.
- По УПК, предварительное следствие не должно занимать больше восемнадцати месяцев, но следователи могут собирать доказательную базу и дольше. Всё время до суда человек, в отношении которого суд ещё не вынес приговор, даже ещё не начал рассматривать доказательств его вины, собранные следователем, находится в тюрьме. Часто мера пресечения в виде содержания под стражей в СИЗО вполне обоснована, но, не считая самого себя, мне известны случаи, когда абсолютно невиновные люди провели в СИЗО до суда по два с половиной года, суд по их делам длился ещё полтора, получали обвинительный приговор, подавали на апелляцию, ждали её в камере несколько месяцев, ехали после «апеляшки» в «столыпине» по этапу в лагерь ещё месяцев шесть и, приехав в зону, через несколько дней выходили на свободу «за отсиженный срок». Лично я ждал в СИЗО назначения даты суда апелляционной инстанции около года и, дождавшись, вышел на свободу из зала суда как невиновный.
- А тебе чего светит? — спросил я Алексея, парня лет двадцати пяти на вид.
- Не знаю. У меня семнадцать грамм гаши, — он подумал. — Лет девять-десять могут присунуть, если с четвёртой части на вторую не перебьют.
- А если перебьют?
- Если перебьют, то лет шесть строгого.
- А тебе-то сколько намотали? — спросил меня Марадона.
- Шесть общего.
- Ого! — хором воскликнули сокамерники.
- «По потолку» прямо, — подытожил Дима. — Ущерб большой?
- Да больше двухсот миллионов, — сказал я.
- Цыган блаженно-мечтательно закатил глаза и сказал с уважением:
- Вот это я понимаю!
- Это тебе не мелочь по карманам тырить, — засмеялся Дмитрий, а за ним и Алексей.
- Самое удивительное в моей истории, что с этого ущерба никому из осуждённых по нашему делу ни копейки не пришло.
- Бывает, видали, — заметил Дима.
- А что за делюга? — с ударением на последнем слове спросил Алексей.
- Стройка. Коттеджный посёлок.
- «Обманутые дольщики»?

— Пайщики.
 — Да без разницы, — сказал Дмитрий.
 — Да нет, — возразил я, — разница есть. У дольщиков договор долевого участия в строительстве или соинвестирование, а пайщики — члены кооператива. Есть на кооперативном счету деньги — стройка идёт, нет — не идёт. Заказчик строительства — сам кооператив. И гарант окончания строительства тоже он, а не кто-то ещё, как у дольщиков. Пайщики сами себе гаранты, — Дмитрий кивнул, соглашаясь. — Но что самое прикольное, я к этому строительству никакого отношения вообще никогда не имел.

Дмитрий нахмурился, вскинув одну бровь вверх, и спросил:

— Подельников много?
 — Пятеро. «Главаря» нашего в соседнюю через коридор хату посадили, а строителя рядом.
 — А-а-а, так вы все тут на одном централье? — спросил Алексей.
 — Нет, ещё две сотрудницы в Печатниках: бухгалтер и начальник отдела продаж.
 — Так они же «наёмники», за зарплату, — продолжал уточнять Дмитрий.
 — Так в том-то и дело! Причём бухгалтер полтора года лишь работала из семи лет, которые стройка шла, а продажница — года два.
 — Что-то вы долго строили: семь лет, — улыбнулся Алексей, подумав.
 — По российским меркам недолго, — возразил Дмитрий.
 — Да нет, долго, на самом деле, — согласился я с Алексеем. — Причины были, очевидно.

— Кризис? — спросил Дмитрий.

— Кризис, думаю, лишь одна из причин и не основная. В 2008-м, конечно, шарахнуло, и народу, который может что-то купить, стало сильно меньше. Стройка начала тормозить. Один купит за месяц — денег-то и не видно почти. Пайщики же не всю сумму сразу вносили, а платили в рассрочку как бы свои паевые взносы. Все деньги сразу на строительстве и не нужны, стройка же этапами идёт любая.

Дмитрий и Алексей кивнули, а цыган улёгся на нижней шконке и, положив одну руку под голову, начал переключать программы беззвучно работающего телевизора, выполняющего, насколько я понял, роль дополнительного источника ночного освещения.

— Народу мало, цены на стройматериалы поперли вверх, — продолжал я, — а цена-то за конечный продукт уже зафиксирована в договорах, — Алексей с Дмитрием снова закивали. — Но самое неприятное, как я понимаю, было не это.

— А что? — с интересом спросил Дмитрий.

— Среди пайщиков завелись активисты.

— Это как? Типа блохи? — засмеялся Дмитрий.

— Хуже. Чисто гельминты. Возникла группа инициативных граждан, которые стали вести подрывную деятельность.

— Понятно, — кивнул Дмитрий.

— А я не понял, — сказал Алексей.

— Они сделали сайт, на котором всех наших сотрудников стали обвинять в воровстве, дескать, стройка идёт медленно по причине воровства.

— А-а-а, — произнёс Алексей отчасти понимающе. — А зачем?

— Вот это большой вопрос. А помимо сайта они ещё на форумах в интернете стали писать, и люди вообще покупать перестали. Вот стройка и встала в конце концов.

— Ясно, — подытожил Дмитрий. — Спилили сук, на котором сами сидели.

— Именно так. Но ты ж понимаешь, сдуру такого не сделаешь.

Дима снова кивнул, прищуриваясь, а Алексей резюмировал:

— Вот долбо...

— Алексей Владимирович! — устало отреагировал Дмитрий на реплику Алексея. — Мы же договаривались не материться, блин, в хате без острой на то нужды.

Лицо Алексея, с резко очерченной линией губ детским бантиком, совершенно не гармонирующее с его мощной, атлетической фигурой, чем-то неуловимым напо-

минающее типаж стандартного лица советских пластмассовых пупсиков с прилавка «Детского мира», приняло такое выражение, что я не смог не рассмеяться.

— Система, внутри которой мы все находимся, — обратился ко мне Дмитрий, — комплексно ориентирована на то, чтобы оказывать на человека деградирующее воздействие. Задача системы — превратить нас в животных, в рабов, в пыль и помой, и помогать ей в этом, позволяя себе регулярно использовать в своей речи ненормативную лексику, я, блин, считаю преступным. Зачем ты опять только что решил сотрудничать с администрацией? — спросил он Алексея.

— Да ладно, — ответил тот. — Скоро и чихнуть нельзя будет.

— Так, Лёша, мы хотим поговорить на эту тему?! Я правильно понял?! — начал заводиться Дмитрий.

Алексей с видом оскорблённого в самых высоких стремлениях человека отошёл в сторону двери и закурил.

— Прямо институт благородных девиц у нас тут, — тихо сказал он в мою сторону.

— Да, Лёша, да! Институт! Для тебя-то уж точно университеты! И пока я здесь, я тебе материться не позволю! — Дима слегка побагровел.

— Ладно. Всё. Проехали, — махнул рукой Алексей.

— Нет, не проехали! — не унимался Дмитрий. — Бродяги и воры, которыми ты восхищаешься, не позволяют себе разговаривать матом! Я же уже не раз тебе объяснял это! — Алексей, совершенно как нашкодивший школьник, посмотрел на Диму и, открыв дверцу «дальняка», что-то тихо бубня себе под нос, скрылся за ней. — Вот и проваливай! — сказал ему вслед Дмитрий, ясно давая понять всем, кто тут главный.

— Педагог, психолог? — улыбаясь, спросил я Дмитрия, намекая на демонстрацию административных способностей, которую я только что наблюдал.

— Да если бы, — ответил Дима. — Отец четверых детей.

— Четверых?!

— Да. И это не конец процесса, как я думаю, — уверенно сказал в седеющую бороду Дмитрий.

— Вот это да! Большие уже?

— Младшей десять, старшей шестнадцать.

— Так, — сказал я, принимая серьёзный вид, — я правильно понимаю, что, не будучи осуждённым судом, имея четверых несовершеннолетних детей, ты находишься под арестом в следственном изоляторе три года?!

— Именно так. Правильно понимаешь.

— А что ж ты натворил-то, если не секрет?

— А вот ровным счётом ничего и не натворил, — расплылся от удовольствия, понятного только заключённому, Дмитрий.

— А подробнее можно?

Дима подошёл к «дубку» и, достав из-под клеёчатой скатерти небольшую заточку, отрезал себе кусочек горбушки от тюремного хлебного «кирпича».

— Я юрист, — сказал Дима. — Выполнял работу по защите прав собственности клиента на здание в центре Москвы, представляя его интересы в арбитражном суде. Против меня и поделщиков возбудили уголовное дело, и вот мы и здесь, если кратко.

— Твою посадку проплатил оппонент?

— Конечно, — Дима стал каким-то усталым и отрешённым. — Ты ж понимаешь, старинная национальная забава — зачем убивать человека, который немножко мешает жить? Он же немножко мешает, несильно. Мы же, русские, — самые добрые и гуманные люди, не в пример остальным: дал денег ментам или доносик придумал и написал куда надо, и поехал неудобный человечек в Абакан, с глаз долой. Удобно же, весело и сердито, а главное, бескровно, и стране польза — бесплатная трудовая единица. На этой территории так издавна повелось. И это не система плохая или хорошая, а люди такие замечательные. С такими людьми чего хочешь можно достичь, любых просветлений. Одни других какашками пачкают, а третьи молчат, чтоб не зацепило. Так и живём, удивляя соседей своей загадочностью души, — Дима подумал немного. — Загадочность у нас не от слова «загадка», а от слова «гадить». Ты в

курсе?

— Да-а... Однако, — не зная, как реагировать, выдавил я.

— Да ладно. Потом, если будет интересно, почитаешь. У меня блог свой в «ЖЖ» есть. И вообще материалов по нашему делу в сети предостаточно — всё подробно, с документами. Ты лучше скажи: у вас-то дело сугубо гражданское — как же тебя в тюрьму-то занесло?

— Да так и занесло. С ветерком, — я засмеялся. — Весь цимес в том, что наши пайщики не смогли забрать недострой.

— О как! А почему? Что помешало? Они же вас банкротили, как я понимаю?

— Банкротить-то банкротили, а оказалось, что постройки в посёлке нашей группой компаний незаконно возводились, и у них теперь нет юридических оснований требовать оформить на себя то, что построено. Недострой стал самостроем как бы на бумаге.

— Весело. А как так получилось-то? Назначение земли, что ли, не успели поменять?

— Ну да. Земля была под индивидуальное жилищное строительство, — начал объяснять я. — В федеральном законе была «дыра», позволяющая на ИЖСе строить индивидуальный дом, не превышающий полторы тысячи квадратных метров и не выше трёх этажей...

— Ясно, — сказал Дима, — дальше можешь не объяснять.

— Не-не, мне объясни, — попросил Алексей. — Я-то не юрист — туп и ущербен.

— Да всё просто. Вот смотри. У каждого земельного участка есть назначение в порядке его использования. ИЖС — это индивидуальное жилищное строительство. Бывают земли промышленного использования, бывают сельхозназначения, земли поселений и так далее. В документах на участок это назначение прописано, — я задумался, соображая, как понятнее объяснить ситуацию, которая произошла с земельным участком, где шла стройка. — На «промке» или «сельхозке» нельзя, например, строить индивидуальный жилой дом, а на участке под ИЖС нельзя открывать производство или коровник. Допустим, я имею участок под ИЖС. Никто не запрещает мне построить на нём себе дом. Я для этого и покупаю участок под ИЖС, чтобы на нём построиться, понимаешь?

— Ну.

— И я решаю, что дом мой будет большим. Я ж имею право иметь большой дом? Может, у меня семья из пятнадцати человек.

— Так.

— Народ у нас себе дома строит как?

— Как?

— Берёт и строит. Себе же.

— В смысле?

— В том смысле, что приглашает какого-нибудь строителя, показывает ему красивую картинку из журнала и спрашивает: «Можешь мне такой дом построить?» Строитель отвечает: «Могу».

— И что?

— А то, что строителю для того, чтобы тебе построить дом на твоём же участке, совсем необязательно иметь проект, не надо заботиться о согласованиях, о разрешении на строительство. Он берёт и строит. Потому что ты ему платишь за это, и строит он не многоэтажку в спальном районе, а обычный домик для семьи заказчика, который даже дурак может построить.

— Так.

— А хозяин дома (заказчик), когда дом построен, приглашает государственных специалистов и просит такой дом зарегистрировать и выдать ему документы на него. Понимаешь?

— Ну и в чём прикол-то? Так все и делают. Сначала строят, а потом документы оформляют.

— Так и есть. Это разрешается. Ты же себе строишь, а не кому-то.

— А если не себе?

— Если не себе, то ты сначала должен выбрать и купить или заказать проект дома.

Потом получить необходимые согласования у разных служб и ведомств, выполнить технические условия, которые тебе выкатит муниципальная администрация, а потом получить разрешение на строительство. Это всё стоит кучу денег, но без этого нельзя. Если дом, который ты построил для себя, будет без отопления и воды — это твоя личная проблема. Если он через год развалился и обрушившейся балкой или балконом прищемит голову теще, это тоже твои заботы. А вот если дом ты строил на продажу третьим лицам и не выполнил условий и требований, регламентированных законом, то тебя будут долго штрафовать и либо обяжут их выполнить, либо заставят снести то, что ты построил.

— А если я не снесу?

— Тогда приедут и снесут за тебя, а с тебя за снос столько денег потребуют, что без штанов останешься.

— Суки! — резюмировал Лёха.

— Да почему суки?! — не удержался Дмитрий. — Я, например, не хочу жить в доме, у которого может балкон отвалиться, или без воды и канализации.

— Правильно, — кивнул я, — поэтому дома, построенные в соответствии с требованиями закона, значительно дороже тех, что люди строят для себя без соответствующих разрешений. То, что я перечислил, далеко не все затраты. Представь себе чиновника, у которого ты просишь согласовать тебе что-то для стройки.

— А, ну это понятно, — с пониманием заулыбался Алексей.

— Вот-вот. Каждый шаг твой будет стоить больших денег, а потом эти деньги ты включишь в цену квадратного метра того жилья, которое будешь продавать. Правильно же?

— Естественно, — согласился Алексей.

— Во-от. А если ты на ИЖСе, как бы для себя или не для себя как бы, взял и построил трёхэтажный дом, в котором у тебя по твоей прихоти образовалось двадцать квартир с отдельными входами, санузлами и кухнями, то что?

— Что?

— Ну, смотри. Построил ты без разрешения на строительство и без согласований на своём участке большой дом — это законно? Тебе этот дом зарегистрировали после окончания строительства — значит, законно?

— Законно, — согласился Алексей.

— Правильно, законно. А дом у тебя большой, и пока ты его строил, планы у твоей семьи изменились, и они решили, что жить в этом доме они не будут. Переругались все, например. Такая ситуация возможна?

— Возможна.

— А что тебе с этим «домом культуры» теперь делать, спрашивается? — спросил я. — Тебе же потраченные деньги нужно вернуть, правильно?

— Ну конечно.

— И ты его начинаешь продавать, да?

— Ну да.

— Это законно?

— Законно.

— Но у тебя такую огромную халабуду никто не купит. Семьи сейчас у всех маленькие, один-два ребёнка. Что делает хитрый собственник, оказавшийся в такой ситуации? Дом большой, продать надо, а никто не берёт.

— Не знаю, — задумался Алексей.

— А я тебе скажу. Собственник берёт и режет эту свою непродаваемую целиком собственность на доли и продаёт разным людям. На бумагах режет, по документам. Получается как бы такая большая коммуналка. Такой современный трёхэтажный «барак-обама». Так и семнадцатизэтажка — та же большая коммуналка, по большому-то счёту.

— А-а, здорово! — заулыбался Алексей.

— И что мы имеем на выходе?

— Деньги.

— Не только деньги, — возразил я.

— А что ещё? — заинтересовался Алексей.

— Мы имеем быстрые деньги, так как была экономия на согласованиях, разрешении на строительство, откатах и взятках чиновникам, и себестоимость по сравнению с аналогичным жильём, которое строят по правилам коммерческого жилищного строительства, значительно ниже, соответственно, мы продадим готовый продукт быстрее неповоротливых конкурентов, так как продавать будем дешевле рынка. А кто быстрее — того и тапки, правильно же?

— Правильно.

— Ну а где криминал тогда? — спросил цыган. — Вас-то за что посадили?

— За что меня посадили, я не знаю, Мара. За что посадили сотрудников компании, я догадываюсь, но считаю, что посадили их незаконно. Так, как я только что описал, строили все небольшие компании по всей стране. Но потом, когда такой способ минимизации затрат на строительство стал расти снежным комом, вышла поправка к закону и на землях ИЖС запретили строить «малоэтажку» для продажи третьим лицам. Чиновники, отвечающие за строительство жилья на местах, стали нести убытки — взятки-то перестали носить. Зачем коммерсанту давать взятку чиновнику, если чиновник в схеме не нужен? Вот они и придумали изменения к закону и убрали лазейку для коммерсантов, обязав их менять назначение земли, выполнять техусловия, получать согласования и разрешения. А это ж всё денег стоит немалых, а денег нет — они в стройках. Понимаешь? Не сменили назначение земли, не получили разрешение на строительство — вот и стали построенные дома незаконно построенными, подлежащими сносу, и прав на них ни у кого нет. Получилось, что пайщики заплатили свои деньги в пустоту. Никто ж не предполагал, что закон этот так жёстко начнут исполнять.

— Да. Это только по телевизору бизнес не чморить власть сама себя уговаривает безрезультатно, — прокомментировал Дмитрий, — а на деле-то — всё наоборот.

— Властям верить — себе дороже, — сделал вывод Марадона, — вот цыгане никогда не верили.

— Ну, так титульная нация у нас не цыгане, слава богу, — сказал Лёха.

— Поэтому и имеем, что имеем, — заметил я. — У русских с властью особые отношения. Интим. Бесплатный секс по принуждению, — сокамерники засмеялись. — Я вообще считаю, что против нас совершено преступление, — продолжал я, — настоящий уголовный замес, другими словами.

— Как это? — спросил Марадона.

— Очень просто. Всё дело в активах, — ответил я не Марадоне, а взглянув на Дмитрия.

— Ладно, хватит на сегодня, — сказал Дмитрий, выдержав паузу. — Накинулись на человека... Дайте отдохнуть арестанту.

Я забрался на верхнюю шконку и, зачарованно глядя в угол грязно-рыжего в темнеющих разводах близкого потолка, стал думать о том, как уснуть и как, интересно, устроились наши девушки и Лёха со строителем.

Я лежал на тонком поролоновом матрасе металлической шконки в камере СИЗО на краю Москвы и копался в воспоминаниях, силясь отыскать там причины своей принудительной изоляции. В голову лезли истории из моей армейской жизни и мои бывшие подружки. Если аналогии с армией были вполне уместны, то при чём тут отношения с противоположенным полом?

В состоянии полудрёмы, когда мозг уже наполовину отключён, я вдруг пришёл к абсолютно неожиданному выводу, что причиной того, что я сижу за решёткой, стала вовсе не судебная ошибка, не подлая и коварная корысть заинтересованных и не установленных следствием лиц, а, возможно, как это ни странно, поиски любви в пустынных тущобах моего серого одиночества и тот сладостный самообман, в который я так любил погружать себя причинным местом. Грех, наподобие большого небесного тела, очевидно, является сильным источником гравитации, притягивая к себе, в том числе, и своё искупление, — думал я. Пока покаяние дремлет, законы гармонии регулируют отклонения.

Сначала такой ход мысли показался мне бредом.

Возмездие, неотвратимую логику которого я постоянно чувствовал, но с беспечностью игнорировал, радуясь употреблению запретных плодов, стирающих в ноль

мою потерянную ещё в детском саду целомудренность, наконец-то заслуженно достигло меня, а вынесенный приговор был не чем иным, как проекцией этого возмездия, сконструированной свыше конструкцией, поводом, к обстоятельствам уголовного дела, за которые меня посадили в тюрьму, не имеющим никакого отношения.

Получалось, что ответ на вопрос «за что?» отыскивался, но при этом был глупым каким-то. Что за чёрт, думал я, чем я хуже любого из тех, кто спит сейчас дома, или я особенно отличился в грехах и пороках?

Конечно, все люди, даже самые безобидные, грешат — это факт, продолжал размышлять я. Безгрешных нет — так учит мораль и «опыт, сын ошибок трудных». Люди грешны страстями и помыслами: завистью, желаниями иметь больше и лучше, чем у других, лживостью во имя корысти, вспышками злобы, несправедливостью по отношению к близким и ближнему, ленью, унынием, похотливыми мыслями и делами — это так свойственно, в той или иной степени, природе любого человека. Но за это ведь не сажают в тюрьму...